

У истоков Руси

Сергей Булыга

ЖЕЛЕЗНЫЙ
ВОЛК

У истоков Руси

Сергей Булыга

Железный волк

«ВЕЧЕ»

2015

Булыга С. А.

Железный волк / С. А. Булыга — «ВЕЧЕ», 2015 — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-4484-7547-4

Железный волк, волк-оборотень – так часто называли полоцкого князя Всеслава Брючиславича (1030–1101). Никто не мог поверить, что можно быть таким удачливым без помощи нечистой силы. Правда, эта удачливость помогла Всеславу не столько добиваться громких побед, сколько спастись от неминуемой смерти. Невероятная и загадочная судьба последнего князя свободолюбивых и непокорных славян-полтов в романе известного белорусского писателя Сергея Булыги.

ISBN 978-5-4484-7547-4

© Булыга С. А., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Ночь	6
День первый	11
1	11
2	21
3	31
День второй	38
1	38
2	56
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сергей Алексеевич Булыга

Железный волк

© Булыга С.А., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

Ночь

Проснулся он от крика. Сразу вскочил, протер глаза и осмотрелся. Нет, вроде никого не видно. И тихо. Он подождал, прислушался, он даже затаил дыхание... Нет, вправду все спят. Тихо кругом, покой. И у него здесь покой. Коптит лучина. А за окном совсем темно, там ночь. Так, может, он подумал, крика не было? Или, может, это он сам кричал? А что! А во сне!.. Но только он давно уже не видит снов. Да и чему уже в такие годы сниться? Чего желать?!

И тут его опять стало знобить. Он лег, подоткнул под себя полушубок. Лежал, смотрел на черный закопченный потолок. Потом стал вспоминать: вот ты вчера отужинал, молился. Потом читал «Александрию» – час, может, два. Потом почувствовал, что мерзнешь, и кликнул Игната. Пришел Игнат и натопил.

– Еще? – спросил.

– Еще! – ты повелел. – Еще!

Игнат еще топил. Потом сказал:

– Довольно, князь. Изжаришься.

Ты отпустил его, но сам читать уже не мог: в глазах сильно рябило. Да и к тому же писано по-еллински, а ты это стал забывать. Поэтому ты лег и думал о послых. Потом о сыновьях... И вдруг тебе привиделся отец. А он вот здесь же и лежал, где ты сейчас лежишь. А ты стоял тогда – возле него, вот совсем рядом, вот на этой половине. Тебе тогда тринадцать было. Нет, уже, может, четырнадцать... А то не все ли равно! Стоял тогда, трясло тебя, и ты ему шептал:

– Отец, не уходи! Что я один?!

А он молчал. Он, может, тебя и не слышал. Просто смотрел в окно. Он, может, думал о чем-то. А может, ждал кого. Потом он вдруг тихо сказал:

– Дай руку.

Ты дал. Да только он ее не принял! Потому что своей не поднял! Потому что не смог! Сил у него уже не было, вот что! И ты немо заплакал. Пал на колени перед ним, схватил его руку, прижался к ней лбом. Рука пыталась вырваться, да не смогла. Тогда отец сказал:

– Не надо. Так, видно, Бог велел. Встань, князь... Встань!.. Встань!

...Нет, встать уже не смог – лежал бревном и задыхался. И не четырнадцать тебе, Всеслав, а семьдесят. И нет давно отца, и схоронил жену, а вот уже и самого тебя пора... Закашлялся. Поднялся на локтях, хотел было позвать... и словно провалился...

А вот теперь очнулся и лежишь, тебе не спится. Потрогал лоб – горячий, весь в поту. И печь горячая. Дух в горнице тяжелый. Перетопил Игнат... А все равно знобит! И шум в ушах: как будто кто-то ходит, снег под ногами – ш-шух, ш-шух, ш-шух. Но кто это идет, не видно. А ты лежишь под деревом, весь сжался, нож изготовил, ждешь... А он, невидимый, прошел – ш-шух, ш-шух...

Ш-ш-ш-ш! Что это?!

Это лучина догорела. Теперь остался только красный уголек. Но вот и он задергался, погас. Темно, хоть глаз коли... Князь вздрогнул, криво усмехнулся. А что, злобно подумал он, с них станется! Давыд же Святополку говорил: «Не оставляй Васильку в Киеве, не то как бы беды после не вышло!» И не вышло. Потому что его не оставили. Правда, сперва ему глаза ножом достали, а после его самого на телегу, чуть живого накрыли тряпьем – и свезли. И ничего, Бог миловал! Давыд в прошлом году раскаялся, они его простили; один брат двести гривен ему дал, второй три сотни отжалел...

А ведь и ты так мог, Всеслав, из Любеча без глаз уйти. Они тебя ведь тоже звали. Но нет, сказал ты им тогда, и не просите. Я не поеду, я изгой. И крест не надо целовать; ваши отцы уже поцеловали, помню! Они крепко обиделись. И пусть! И еще пусть дальше говорят, будто ты выжил из ума и будто в детство впал! Зато ты при глазах и держишь свою отчину! И волоки

тоже твои. Идут купцы по волокам – и платят. Войско пройдет – пусть войско тоже платит. А не заплатят, сам приду и всех тогда пожгу! А сам не справлюсь – наведу Литву! Литва, она...

Но тут как кистенем ударило в боку! Князь охнул и едва не задохнулся. Ночь, тишина...

Только в ушах опять шаги. Чуть слышные...

Нет, не в ушах это, а во дворе! И там же, во дворе, пес подскочил и заскулил! Бряк цепью, бряк. Опять скулит... А ведь не трогает! С чего бы это, князь?! Отчего это пес заробел – пес, на людей натасканный?! А вот же робеет, скулит! А эти шаги всё идут и идут – и всё ближе! И вот эти шаги уже повернули к крыльцу...

И князь понял, почуял, что это Она! И в голове тотчас запрыгало: Пресвятый Боже, как же это так, я весь в руке Твоей, и знаешь Ты безумие мое, и прегрешения мои не скрыты от Тебя...

А может, это все же сон?

Нет, ты не спишь! Это просто темно. Вот печь горячая, вот полушубок, вот крест нательный, а вот рядом с ним оберег. Князь осенил себя крестным знаменiem, после схватился за поганский оберег, прислушался...

Идет Она! Минует сторожей. И псов натасканных. Да, так оно и должно быть, с тоской подумал князь, никто Ее не остановит. Да и Ее, кроме тебя, сейчас никто не видит и не слышит – Она к тебе идет. А подойдет и станет в головах...

Князь торопливо сел, спиной прижался к изразцам, нащупал нож...

И отложил его. Смешно, гневно подумал он, Ей нож не страшен. Ведь как убить Ее? Она и так мертва. Но и жива – по-своему. А ты... Сейчас, пока живой, тело с душой едино, а после тело здесь, в тереме, останется, приедут сыновья, снесут его в Софию, народ будет глазеть на тебя мертвого и тешиться... А что будет с душой? Куда она тогда? Ведь не взлететь твоей душе, потому что уж больно она тяжела. За столько лет столько грехов на ней... Князь усмехнулся и подумал: ну и что, а был бы молодым, и что с того? Князь он на то и князь, чтобы грешить... Нет, даже так: князь – это сразу зло, зло от рождения. И нельзя отречься от венца, когда ты от рождения князь. Значит, уже само твое рождение, кровь княжья – вот твой крест на всю жизнь! Ведь даже если потеряешь совсем все, останешься сам-перст, то все равно ты князь. И так не раз уже бывало. Вон как тогда, когда зимой... да, уже тридцать лет тому... ты шел по Волхову – один. Пришел в селение, а там...

Нет-нет, не то, гневно подумал князь, опять не то! Пресвятый Боже! Ради врагов моих спаси меня! Не на меня, на них излей огонь ярости своей! Да будет им...

– Всеслав!

Князь вздрогнул. Вот Она! Уже стоит в дверях! На Ней широкий плащ, вроде варяжского, и капюшон глубокий, как у Олафа...

Нет, что ты! Нет там никого! Тьма непроглядная, откуда разглядеть?! Князь усмехнулся...

И тут же опять тот же голос:

– Что, князь, не ждал?!

А голос у Нее надтреснутый, визгливый. Князь вытер лоб, перекрестился, потом сказал как можно тверже:

– Нет, ждал. Входи, садись. Небось, устала?

Она чуть слышно усмехнулась и ответила:

– Да, есть маленько. Сяду.

И подошла к нему. Нет, он Ее не видел. Он только слышал, как заскрипели под Ней половицы. Потом, прямо в лицо, почувствовал ее холодное дыхание...

– В ногах! В ногах садись! – хрипло воскликнул князь и вжался в стену, задрожал. И снова нож схватил.

А Она...

Склонилась еще ближе и сказала:

– А ты... как молодой цепляешься! Не стыдно тебе, князь? В твои-то годы!

Он молчал. Она, немного подождав, спросила:

– Ты что, Всеслав, еще на что-нибудь надеешься?

– Я пока жив... – и спохватился, замолчал.

Она это почуяла, хмыкнула. Недобро сказала:

– Ну-ну! Уже опять что-то затеял! Смотри, как бы потом не пожалел.

– Не пожалею!

– Ладно!

И Она отошла, и села у него в ногах. Тюфяк под Ней прогнулся... А князя бросило в озноб. А после в жар. После опять в озноб. Но руку он не разжимал и ждал, что будет дальше...

Как вдруг Она строго сказала:

– Брось нож, Всеслав!

– Что?

– Нож, говорю. Ну!

Он, правда, не сразу, но все-таки бросил. Нож глухо брякнул об пол.

– Вот так-то вот! – сказала Она радостно.

И тотчас же чуть-чуть придвинулась к нему. И продолжала:

– Я оказала тебе честь. Да, князь – великую! С другими знаешь как? Р-раз – и готов. А с тобой церемонюсь. Сиж и жду. Ты помолись, Всеслав! Чего молчишь? Молиться-то тебе, небось, придется долго. Боюсь, ты и до светлого не справишься. Или ты что, и меня захотел переключать? Как этих... дальних своих братьев!

– Нет, тебя не обманешь.

– И то! И об отсрочке не проси. Не дам!

Князь затаил дыхание, не шевелился, то открывал, то закрывал глаза... И наконец спросил:

– А почему?

Она негромко засмеялась и ответила:

– Смешной ты, князь. Не понимаешь, что ли, кто к тебе пришел? Сейчас умрешь! Ну, не хочешь молиться, и ладно. Я знаю, в Бога ты не веруешь. Так встал бы, подошел к окну да подышал. Вон дух легкий какой! Весна, князь, на дворе!

– Так не надышишься уже, – угрюмо сказал князь.

– Ну, не знаю! – сказала Она. – Вон другие, все дышат. Да и потом: яви смирение! Пока живые, говорите о смирении, а как я прихожу...

И Она замолчала. Всеслав смотрел мимо Нее. Да только что там усмотришь? Лучина догорела, тьма. И за окном то же самое – ночь... А вон далеко, на Великом Посаде, завyla собака. Ну что же, смерть так смерть, подумал князь почти что равнодушно. И тут же подумал: и смерть неплохая. Потому что не в бегах и не в цепях. Ты в своей отчине, Всеслав, и волоки твои – с Двины на Днепр – и все за них платят. То есть всё, как отец завещал. И теперь его внукам останется. А тебе, Всеслав, – честь, и великая! Потому что Она и впрямь не с каждым станет разговаривать. И все-таки...

Князь облизнул пересохшие губы, спросил:

– Так почему нельзя просить отсрочки?

– Жить больше, чем положено, нельзя, – очень строго сказала Она. Потом еще важно добавила: – Всему свой срок.

И тотчас же зашевелилась, пересела...

А он быстро спросил:

– И мне?

– Да, и тебе! – еще строже сказала Она. – И так вон семьдесят отмерили!

И пересела – еще ближе. Потом еще ближе! Он не сдержался, закричал:
– Нет! Подожди!..

И спохватился, закусил губу, подумал сердито: да как это так?! Он, самовластный князь, а скулит как холоп!

– Жду, жду, – насмешливо откликнулась Она. – Я даже, если хочешь, отодвинусь. А ты кричи, не бойся. Все равно нас никто не услышит.

И ведь правда, подумал Всеслав, Игнат давно ушел к себе и теперь крепко спит. А там, внизу, где младшая дружина, так этих и днем не добудишься!

– Да, – сказала Она, – всем свой срок. Вот, скажем, твой прадед Владимир, и дед Изяслав, и отец – все уходили вовремя.

– Отец?! – князь даже отшатнулся. – Он разве вовремя?

– Да, в самый срок.

– Но почему? Ответь!.. Не можешь?!

– Да, не могу, – равнодушно сказала Она. – Здесь не могу. Вставай, пойдем. Я расскажу тебе, но уже там, ты знаешь, где.

И вновь Она придвинулась, уже почти вплотную, и князь почувствовал, как закипает в жилах кровь! А вот руки зато холодеют! Как у отца тогда! Кричать, что ли? И ведь он еще мог тогда кричать!.. Да только он – князь, господарь – молчал. Терпел Ее дыхание...

– Здесь, – громко, с присвистом сказала Она, – я тебе ничего не скажу! Здесь – жизнь живых. Пойдем, – и обняла его...

И он стерпел и это! Сжал в кулаке нательный крест и оберег, сказал:

– Пойдем, пойдем. Вот только...

– Что «только»? – и Она взяла его за горло. Крепко взяла!

Он захрипел:

– Послы... Я жду послов. Не для себя!

– Я знаю это! Ну и что? Пойдем! Пора!

И захрустел его кадык. Но князь еще успел:

– Семь дней! Семь! Семь!..

Свет! Гром! Огонь!..

...Когда он очнулся, дышалось легко. Потому что никто уже его за горло не душил. А вот темно было по-прежнему. И лежал он на спине. Вот только где это он теперь – здесь или уже там? Князь приподнялся, осмотрелся...

И понял, что он еще здесь. А где теперь Она? Он подождал, послушал, но ничего не услышал. Но все равно не поверил, окликнул:

– Смерть!

А в ответ молчание.

– Смерть! Смерть!

И опять никто не отзывается. Тьма непроглядная. Ни шороха, ни звука... Но он все равно Ей не поверил и сказал:

– Я знаю, что ты здесь. И говорю тебе: встречу послов, созову сыновей, а потом приходи. Семь дней прошу. А за это... Вот! На!

Он сорвал со шнурка оберег и швырнул его в темноту. Кто-то невидимый не дал ему упасть, поймал.

– Довольна? – спросил князь.

– Довольна! – был ответ.

И опять тишина. Значит, Она и сейчас не уходит, стоит. Всеслав зажмурился, сжал зубы. Господи, Господи, Господи, думал Всеслав, не для себя же это всё, а для них, и ведь так же всегда, а переключать, так ведь не тебя, а... Ты же знаешь, Господи! А после мысленно, чтобы

Она не видела, Всеслав сложил персты и осенил себя крестным знамением. Потом еще раз. И еще...

И вдруг Она опять заговорила:

– Семь дней! Глуп, слеп ты, князь... Но ладно, будь по-твоему! И тогда так: нынче среда, считай, уже прошла, и вот когда через семь дней пройдет еще одна среда... – Но тут же спохватилась: – Нет! В ту среду я тебе весь день не дам, а только полдня! Потому что... Да, князь! В час пополудни будет самый срок, на том и порешим. Жди, князь!

И засмеялась. И ушла. Хоть дверью и не хлопала, и половицы не скрипели, но знал Всеслав, почуял, что ушла...

День первый

1

Сна больше не было. Но и вставать Всеслав не торопился. Лежал, смотрел по сторонам. Думал: темно еще, все спят, и он будет лежать. Живой – и ладно. Семь дней ему теперь отпущено...

И злобно хмыкнул. Еще бы! Семь дней! Да что это такое?! Семь месяцев, гневно подумал он, сидел ты тогда в Киеве, всю Русь вот так держал. А что успел? Да ничего! А ведь тогда ты молод был, силен, и вече было за тебя... А Новгород сказал: «Не дам!» – и было посему, с того и началось. А после поднялись змееныши и Болеслава призвали, Болеслав привел ляхов несчетно, и ты – как волк, болотами да топиями – бежал. Обидно было, зло душило. Одно тогда лишь и утешило: когда ляхи пришли на Верх, то Болеслав взял Изяслава за грудки и стал трясти его да приговаривать...

Но тут же вздохнул Всеслав, нахмурился. Нет, подумал с тоской, вдали люди – все же не тот был Изяслав, чтобы такое над собой позволить. Да и бояре бы не дали. Так ведь и не дали! А посему попиروвали тогда ляхи в Киеве, пошумели, пограбили маленько и ушли. И от всего того, что там тогда было, только одна зарубка на воротах и осталась. А вот зарубка – это истинная правда! У ляхов это... Всеслав усмехнулся... у ляхов так заведено. У них такой обычай! Как они в Киев придут и как нового князя киянам посадят, так еще и ворота им порубят! Вначале – до тебя еще, Всеслав, за сорок с лишним лет до этого, – так же пришли ляхи в Киев и привели и посадили Святополка Окаянного... Вот и тогда был Святополк великим князем киевским, точно как и сейчас! И тоже Болеслав тогда был ляшским королем, только тоже другой. Того звали Брюхатый. Или Храбрый. А на Брюхатого он гневался! Тогда пускай будет Храбрый... Так вот: был у Болеслава Храброго меч заговоренный, он говорил, что будто ангел его ему дал. И вот тем заговоренным мечом, когда они пришли на Киев, Болеслав Золотые Ворота рубил. Ну, разрубить не разрубил, а всё ж таки они ему тогда сразу открыли! И посадили ляхи Святополка Окаянного. А после опять Болеслав – но уже Смелый, или Необузданный – привел киянам князя Изяслава, а ты, Всеслав, от них тогда бежал, и Болеслав – уже просто со зла – рубил ворота. А в третий раз кого ляхам вести? А что, усмехнулся Всеслав, всё может стать! Правда, сейчас у ляхов Владислав. Но люди приезжали, говорили, что Владислав уже чуть жив, доходит...

А может, даже и дошел уже, тут же подумал Всеслав, дошел, конечно! А это мы здесь пока что не знаем. И тогда теперь в ляхах опять Болеслав, сын Владислава! Подумав так, Всеслав аж схватился за ворот – ему стало жарко – и торопливо подумал: вот так! И еще раз: вот так! А о главном не думал – боялся. А главное – это кого ляхи теперь, в третий раз, приведут и посадят. Может, Ярослава Ярополчича? А что! Ярослав Ярополчич и так почти в ляхах – в Берестье. И Ярослав нам не чужой – он брат Глебовой. А Глеб, муж Глебовой, сын твой любимый...

Нет, тут же подумал Всеслав, нет, нет, нет! Жив Владислав и будет еще долго жить! А на Русь не пойдет, заробеет. Потому что не те стали ляхи, и не те у ляхов теперь короли...

Да и не короли они уже, а простые князья, как и мы, уже даже с насмешкой подумал Всеслав. И дальше так же: не коронован Владислав Благодетельный, и так же сын его, Болеслав Кривоустый, после него коронован не будет! Короны в Польше больше нет, корона у них вдруг исчезла! Как и исчез последний их король, который на тебя меч поднял!

А вот тот меч остался. Зовется он Щербец – из-за щербины. Ляхи дивятся на него и говорят: ворота у киян крепки!..

Тьфу-тьфу! Вот же навяжется! Всеслав лег на другой бок и зажмурился. Что ляхи, гневно думал он, и что кияне?! Семь дней идут! А семь десятков лет уже прошло. Не раз ты, князь, гадал о том, как доведется тебе помирать. И всё молил, чтобы это было не во сне и чтобы не от руки раба – так, как было у свата. Сват, говорят, вскричал тогда: «Ведь ты убил меня, Нерядец!» Да только ложь это, сват не кричал, он кровью захлебнулся, он даже и не понял, что к чему, он молча умер. Ну разве что хрипел... А мстить за его смерть было потом кому? Нерядцу что ли, этому рабу?! Срам-то какой!

А что не срам? Всеслав улыбнулся, подумал – да он об этом часто думал – что лучше всех умер Харальд. Да он и не умер – убили его! В битве, в горло стрелой! Вот это очень хорошо, князь даже опять улыбнулся. Но тут же нахмурился, потому что – он и об этом тоже часто думал – а где ему те стрелы взять? В Берестье? Да, там на стрелы нынче не скупы, но за семь дней теперь туда не доберешься. Весна, распутица, а реки уже все давно открылись, значит, по льду не пройти... А тут еще Она! Всеслав вспомнил о Ней, поморщился и очень гневно подумал: и вот так всегда, ничего никогда не откладывай, вот как отец говорил! И вот так и здесь: зимой нужно было идти на Берестье! И зять твой Ярослав как тебя звал всю зиму: приди, Всеслав, сил нет, Великий осадил! И ждал тебя, надеялся. Он и сейчас, небось, надеется. И Святополк, князь Киевский, великий князь – он тоже тебя ждет, не сомневайся. Он, Святополк, силы собрал достаточно, чего ж ему теперь не подождать?! Да ему, может, даже не столько нужен Ярослав, сколько ты! Что ему Ярослав – Ярослав молодой, с Ярославом успеется, вот что он думает, а вот как вдруг Всеслав возьмет да назло околеет! Вот кто, небось, за твое здоровье поклоны бьет! И еще бьет за то, чтобы ты на Берестье пошел! Потому что расквитаться ему хочется с тобой, Всеслав, ох, хочется! Хоть много лет прошло, а не забыл, поди, как убегал он от тебя, обоз, рабов бросал. Великий! Ха! Как меды пить, так брюхо ему пучит, а кровь – это всегда горазд. И не спешит; он знает – хороша приманка: невесткин брат в беде. Значит, он думает, не выдержит Всеслав, поднимется, пойдет на Берестье... И сразу бряк! – силек за ним захлопнется. Да только давленное мясо не едят, грех это, срамота. Вон Феодосий в Поучении сказал...

Не то! Опять не то! Все это суета. Княже, твой час настал, опомнись! Ведь ты же столько раз о чем молил? Чтобы те, которые тогда обманно целовали крест, вперед тебя ушли. Так и ушли уже! Вначале Святослав преставился, а после Изяслав. Последний – Всеволод, тот восемь лет тому назад. Восемь, Всеслав! Даже не семь, а восемь! И лет, а не дней! Так, может быть, Она права? Врагов своих ты пережил, держишь волоки, реку до устья. Отец ушел в свой срок. И дед...

А за окном уже не так темно. И слышно, как Двина шумит. А на Двине, прямо напротив – Вражий остров. И ведь с него всё началось! А когда? Ой, давно! Может, лет уже двести тому на этом острове... Да нет, уже поболее!..

Да и остров был тогда еще не Вражий! И Володша-князь тогда еще смеялся, говорил: – Мы Бусово племя, мы дани не платим. Град Полтеск только наш!

И так оно тогда и было: жили сами по себе и никому не кланялись, это верно. А вот поляне, вятичи, радимичи, эти тогда хазарам поклонились. А до Полтеска хазары не дошли. Одни говорили, что это они тогда развернулись, когда увидели, что брать с нас будет нечего. Но другие, и Володша ними, на это кричали: нет, убоялись нас хазары, вот что! И варяги, эти тоже убоялись! Варяги тоже не дошли, а ведь могли! Или у ильменских им есть что брать, а у нас нечего? И получалось, что Володша будто прав, и тут ему уже никто не перечил. А он тогда дальше кричал, говорил – опять про племя Бусово и еще опять про то, что Полтеск никогда и никому не кланялся, так оно было от веку, на том мы и стоим, и детям то оставим. А прочим, видно, под ярмом способнее! Вот ильменцы: урок они не выдали, полюдые перебили, а после – года не прошло – опять зовут варягов: идите, мол, владейте нами, земля наша обильна и обширна. Тьфу! Маета!

Так говорил Володша. А еще можно было про это же вот как: беда у ильменских! Умер их старый князь Гостомysl и сыновей по себе не оставил, и получилось, что отчину делить некому, есть только кому делить дедино. Внуков же у Гостомысла было четверо: один от старшей дочери и трое от младшей. Старший жил при нем в Словенске (а Новгорода тогда еще не было, Новгород – это новый Словенск), а младшие жили за морем, в варягах. Потому что их мать туда замуж отдала. И там теперь их отчина! – вот как тогда в Словенске говорили. И крикнули старшего сына, Вадима. И Вадим сел по деду своему в Словенске...

Да ненадолго! Потому что крикнули не все. А нашлись у них там и такие, которые послали знать за море: мол-де, идите, братья, к нам, земля наша обильна и обширна, у нас здесь вам всем троим места хватит! И братья пришли: старший Рюрик и младшие Трувор и Синеусый. С варяжской дружиной. И побегал от них Вадим. И Рюрик сел по Вадиму в Словенске. И его младшие, Трувор и Синеусый, сидели при нем же. С дружиной, конечно! И всем говорили, что они так будут сидеть до весны, пировать, а весной опять уйдут в варяги. Когда Володше это рассказали, он опять засмеялся. Но уже совсем не весело! И в тот же день повелел выставить сторожей на Ловати и на Касопле. Потому что, сказал, чую: надо скоро ждать гостей, и их будет много. И он не ошибся! На следующий год прибежал из Словенска муж именитый, Нечай Будимирович. Он говорил:

– А к Рюрику опять пришли корабли из-за моря. С подмогой. Но он ее на этот раз не принял, а раздал братьям и сказал им так: довольно вам при мне сидеть, идите сами и себе сами ищите! И по рукам они ударили, дружину поделили натрое, а земли так: Рюрик, как старший брат, будет и дальше сидеть в Словенске, а средний брат, Синеусый, пойдет на Белоозеро и будет там сидеть, а младший, Трувор, – к вам. Так упредим находников, ударим, братья, разом! Мы же кривичи, мы одно племя!

На что Володша сказал:

– Одно, да не совсем. Вы, ильменские, сами по себе, и мы, полочане, тоже сами. И это так, Нечай. Потому что какой я вам свой? Вы же меня к себе по Гостомыслу не звали! И не позовете никогда!

Нечай молчит. Потому что сказать нечего! А Володша, усмехаясь, ему дальше говорит такое:

– Да я и сам к вам не пойду. Что мне там делать? Рюрика ссаживать, Вадима подсаживать? Зачем это? Разве я Вадиму враг?

Нечай:

– Как это?

А Володша:

– А просто! И так Вадиму передай, пусть знает: князь должен только сам садиться. Ну, еще можно пособить ему да посадить. А посадить нельзя. Ибо кто сажит, тот и князь, а не тот, кто воссядет. Поэтому Вадим пусть сам на Рюрика встает и сам садится. Тогда он будет настоящий князь. А что ты говоришь про Трувора, так это еще от Буса завелось – все к нам идут. И пусть и он придет, мы ждем его!

И засмеялся князь Володша. Нечай, озлясь, ушел.

А летом, в самый липов цвет, пришел к нам Трувор. Пока он шел по волокам, никто его не тронул. И когда шел по Двине, опять же все как будто вымерли. И даже когда к Полтеску пришел – и тут опять никто его не встретил! Затворились. Тогда он стал на острове, напротив. И с той поры остров зовется Вражым. Там, впрочем, после Трувора еще немало кто стоял. Но это было после. А тогда день, второй они там стоят. Костры жгут, рыбу ловят. Ждут. Полтеск молчит, ворота на запоре – Володша тоже ждет. Только уже на третий день он как будто бы не утерпел, оделся как простой дружинник... Потому что ничего богатого у него всё равно не было, тогда лучше совсем просто! И вот он оделся просто, вышел из города – один, один взял лодку и поплыл.

И вот приплыл он к варягам. Вот вышел на берег, а там уже стоят и ждут его, и говорит им:
– Где ваш старший?

Говорит, конечно, по-варяжски. И руку держит на мече. И смотрит прямо! И эти сразу ничего не стали спрашивать, и даже про меч ничего не сказали, а просто повели его к шатру.

А шатер у Трувора был высоченный, просторный, из золотой парчи. И сам он в дорогих одеждах, в красных козловых сапогах. А сам из себя он был вот какой – высокий, кряжистый, беловолосый и белобровый. И он один там сидел.

– Ты кто? – спросил.

– Володша, здешний князь.

– Тогда садись.

Володша сел, меч отстегнул. Трувор пальцами щелкнул, вина приказал. Принесли. Он, Трувор, важный был, надменный. Пил, говорил:

– Мне все известно. Затаился ты. С Вадимом снюхался! А зря! Потому что кто этот Вадим? Грязный дикий человек! Вот пусть он и дальше будет грязным, пусть рыбу ловит, землю пашет. И я тогда его не трону. А то, что его мать была из терема, так про это ему пора забыть. Терем терему рознь! Вот посмотри на меня. Я вроде такой же как и он внук Госто-мысла. И моя мать, и мать Вадима – сестры. И моя даже младшая. Но зато мой отец – король. Ты знаешь, что это такое?

Володша ничего на это не ответил. Потому что он знал другое: кто много говорит, тот мало успевает сделать. А Трувор продолжал:

– Убежал Вадим, затаился. Ну и пусть себе дальше таится, мы его не тронем. Но если поднимется, тогда сразу другое дело – тогда сразу поймем и убьем! А с тобой будет так. Я буду здесь сидеть, на острове. Стены поставлю, обживусь. А ты там сиди дальше. И живи так, жил как раньше – по своим законам и обычаям. А мне – только плати.

– А сколько?

– Как договоримся. Я не жадный.

– Но у меня, – сказал Володша, – есть только меч и голова. А всё остальное не мое. У нас такой закон: всем остальным владеет вече.

На это Трувор рассмеялся и сказал:

– Но я не с вечем, с тобой говорю. Поэтому тебе и выбирать: меч или голова. Подумай, князь! А завтра я к тебе приеду и спрошу, что ты решил. Иди!

И князь ушел к себе. И приказал готовить стол.

– Какой? – спросили.

– Как на тризну.

– А много будет?

– Много.

Так оно и вышло. Назавтра прибыл Трувор. Открыли ему Верхние Ворота. Это потом уже их стали называть... Потом! А он тогда вошел, с ним сорок лучших воинов, все при оружии, настороже. И все белобровые, как Трувор. Князь встретил их у крыльца. Взошли, сели за стол. Володша повелел подать. Подали кашу. Постную. И воду.

– Да что это?! – взъярился Трувор. – Я так ли тебя потчевал?

– Так то, – сказал Володша, – было у тебя. Ты пировал. А у меня тризна.

– А по кому это?

– Да по тебе! – и закричал князь: – Бей!

Выбили их всех. И те, которые на острове остались, те тоже не ушли. Их всех потом – и тех, и этих – сложили и сожгли на Вражьем Острове. И корабли их сожгли. А после, уже осенью, узнали: на Белоозере убили Синеусого. Вот так! Из троих братьев только один Рюрик и отбился. И то сжег по злобе Словенск, поставил Новгород на Волхове и сел там князем. Вадима разорвали лошадьми. А именитые словенские мужи все как один бежали – кто в Полтеск, кто

на Белоозеро, а кто и вниз, к полянам. Там, в Киеве, тогда было лучше всего. Их князь Оскольд большую силу взял – хазар отбил, с Царьграда дань собрал, хотел опять туда идти – ромей запросили мира. Тогда он опять дань затребовал – и получил. Насытился. «Теперь, – сказал, – пойду в варяги...»

...Петух поет! Пора. Всеслав отбросил полушубок, сел. Посмотрел в красный угол...

И удивился – лампадка мигает! А ночью света не было. Но лик даже теперь почти не виден. Черна доска. Глеб говорил – это искусное письмо, из тех еще времен, евангельских. Глеб это знает, подумал Всеслав. А Глебова, тут же подумал, тем более. Глазастая! И это все из-за нее! Потому что не нужно было Ярополка принимать, а после, как Ярополка Нерядец зарезал, нужно было гнать Угрима, гнать! И ее вместе с ним на мороз! А Глебу взять вместо нее...

Кого? Всеслав задумался...

И тут ему стало гадко! Потому что подумал: да что это ты?! Окстись, Всеслав! Да и Глебова-то здесь при чем? Она одна, быть может, только и осталась из тех, кто в среду по тебе хоть слезнику уронит! А ты про нее...

А! Что теперь! Ноги спустил. Позвал:

– Игнат!

– Иду, иду.

Вошел Игнат. Всеслав спросил:

– Готовы ли?

– Вот только что.

– Пусть ждут. Накрой на стол.

Игнат ушел. Князь встал и как и был, в одном исподнем, босиком, так и пошел по стертым, стылым половицам, встал на колени и, не поднимая головы...

Почувствовал, что слов-то нет! Язык словно присох. А голову поднять – еще страшней, чем ночью. Пресвятый Боже, что это со мной?! Лгала Она, безносая, я верую! И в Троицу, и в Таинства. Блюда посты. Зла на домашних не держу. И ведь не за себя Ее просил – за них за всех, за сыновей, за Глебову, за род. Мы ж не находники – исконные. От Буса счет ведем. И чтим Тебя. София кем построена? А вклады чьи? А что колокола снимал, так это же не здесь, а у змеенышей... И был за это наказан! Но не роптал, а пришел и покаялся. Потом свои колокола отлил. Вон как теперь звенят! Во благость всем. Дай мне еще семь дней. Мир заключу, уделы поделю. А вот еще...

Поднял глаза! Рубаху распахнул...

Вот видишь?! Нет того. Есть только крест. А то я Ей отдал. Зачем мне то? Теперь я, как и все, под Тобой лишь хожу. И верую. Так помоги, Пресвятый Боже, укрепи! Прошу Тебя! Прошу Тебя! Прошу Тебя! И в половицу лбом, и в половицу лбом, и в половицу лбом! Как Мономах – он, говорят, как пение услышит...

Да что это?! Не путай! Вот святой крест! Вот крест! Всеслав еще раз осенил себя знаменем и встал. Глянул на лик...

Лик вроде улыбнулся – грустно, чуть заметно. А может, это только показалось. Лик – черен, ничего не видно, письмо из тех еще, евангельских времен. Да и привезено, купец так говорил, оттуда...

...А перед тем, как ты пошел на Новгород снимать колокола, так Волхов, говорят, четыре дня тек вспять. Знамение! А вот теперь Волинь трясло. И Киеву тоже немало досталось – на Десятинной крест чуть устоял. К чему бы это? Уж не к тому ли опять? Вот и робеет брат твой Святополк, великий князь, ибо почувал. Великий! Тьфу!..

А это что? Всеслав прислушался...

А это Игнат гремит горшками. Значит, уже собрал на стол и злится. Значит, пора идти. Всеслав накинул свиту, натянул порты, подпоясался, обулся в стоптанные валяные чуни... И с гневом подумал: да разве прежде ты в таком обличии пошел бы? На люди ж, князь!

А вот теперь пошел! Пришел, сел во главе стола. Зол был! Зло глянул в миску. В миске была уха, налимья печень...

И князь не удержался – улыбнулся. И спросил:

– Тот самый?

– Тот, да, – мрачно кивнул Игнат. – От Дедушки...

– Иди!

Игнат ушел. Всеслав взял ложку, начал есть. Налим, подумал он, от Дедушки. От водяного, значит. А хороша уха! Горячая, с наваром... А Глебова такой ухи не ест! Другие все боятся и молчат, едят, хоть давятся. А эта сразу отказалась! Сказала:

– Грех это. Нельзя. Сом, налим, раки – суть грязные твари. Можно беду накликать.

– Какую? – ты спросил.

Она смутилась, не ответила. Глеб, видно, ее в бок толкнул. А ты как будто ничего не понял, кротко улыбнулся и опять:

– Ну так какую, дочь моя?

Она смолчала, глаз не подняла. И ты молчал. А мог же ведь сказать! Только зачем? Ну, верят они в это – пусть верят. Им, молодым, так легче жить. И старым тоже легче. И молодым, и старым – всем, кто по обычаю живет и старины не нарушает, не вводит новины – тем всем легко. Потому что они вместе. Они стадо! Или паства, как Иона говорит! А ты, Всеслав – волк-одинец! Вот оттого-то и сидишь ты в гриднице один, и так ты и помрешь один! А в Киеве, Чернигове, Переяславле – да где ты ни возьми, – везде иначе. Где князь, там и гридба, дружина, все за одним столом, всё чин по чину. И, говорят, в этом и есть княжья сила. Может быть. А ты – изгой. И меченый с рождения. Да и осталось тебе жить...

Всеслав отбросил ложку, встал... Снова сел. Есть больше не хотелось. Широкий стол, просторный, длинный. За этим же столом пятнадцать... Нет, уже шестнадцать лет тому назад, когда сват приезжал, здесь Глеба и обговорили: у вас купец, у нас товар – и по рукам ударили, мол-де, была Мария Ярополковна, станет Мария Глебова, княжна – княгиней. Что ж, дело доброе; сидели, пировали. Да что-то сват вдруг быстро захмелел и осерчал, стал гневно говорить на Мономаха, на Васильку – зря это он тогда на Васильку! Ведь с того Васильки беда и началась, и наливалась она, наливалась, покуда Давыд нож не взял! Теперь Василька слеп, в глазницах дыры. А раньше сероглазый был! Или какой? Всеслав, вспоминая, задумался...

Вошел Игнат, встал у двери, нарочно скрипнул половицей. Всеслав опомнился, гневно спросил:

– Чего тебе? Как смел без спросу?!

Игнат пожал плечами и сказал:

– Так ведь гонец явился.

– Чей?

– От Ярослава Ярополчича. Из-под Берестья.

Князь тяжело вздохнул. Вот, Ярослав! Вот только об отце его, о свате, вспоминал... Опять вздохнул, долго молчал, потом сказал-таки:

– Зови.

Игнат ушел.

...Когда убили свата, ты свое слово сдержал, взял его дочь за Глеба. Зима тогда была, лютый мороз, и Глебова к тебе приехала, и здесь потом так и осталась. А сыновей его забрал к себе их дядя Святополк. Ну, младший Ярополчич, Вячеслав, об этом лучше ничего не говорить. А старший, Ярослав... Брат и сестра очень похожи: такие же глазастые, лобастые. И молчуны. Вот Ярослав; он десять лет жил в Киеве, имел подворье на Подоле, держал село Курбатово. Великий – дядя Святополк – звал его и в пиры, звал и в походы. А волостей не то что не давал, но даже и не обещал. И Ярослав молчал. Тогда Великий порешил его женить, нашел ему богатую невесту, а Ярослав опять ни слова. А ведь же знал: как только женишься на

черной, так сразу свою кровь испортишь – и будут сыновья твои уже не настоящие князья – а так только, княжата, у князей при стремени. Недаром Трувор о Вадиме говорил: «Пусть рыбу ловит, землю пашет...» Вот куда гнул Великий! А Ярослав молчал! И лишь только тогда, когда Великий объявил, что завтра нужно ехать на смотрины... Вот тут Ярослав вдруг исчез, будто сквозь землю провалился! Его искали, не нашли. Он после объявился сам – в Берестье. Он там посадника ссадил, сам сел. Великий укорял его, советовал одуматься. А Ярослав прогнал его гонцов, велел, чтоб дяде передали:

– Здесь мой удел. Городня – тоже мой, там брата Вячеслава посажу. А силы соберу, и тогда все отцовское возьму, ибо Волынь – вся моя!

Вот так-то вот; сидел тихоня Ярослав, сидел... А нынче только поперечь ему! И он ведь прав: Волынь это его отцова отчина. И более того: когда бы тогда свата не убили, так он бы, сват, на Киев венчан был. Он, а не Святополк, ибо сват старше Святополка, выше по Рюриковой лестнице...

...Шаги! Это Игнат ведет гонца. Вот по ступеням вверх, вот подошли к двери. Князь поднял голову...

И вздрогнул. Потому что гонец – это вот кто! Вот уже ни думал, ни гадал с ним в этой жизни встретиться, торопливо подумал Всеслав и даже поморщился. Угрим это, тот самый! Ну, Ярослав, дальше с тоской подумалось, совсем плохи твои дела, если ты Угрима ко мне посылаешь! А сдал Угрим, ох сдал! Глаза ввалились, серый весь. Вот каково оно от сытых-то хлебов на волю бегать!

Угрим отдал поклон малым обычаем и замер, ждет.

– Садись, Угрим, – сказал Всеслав приветливо. – Поешь, небось проголодался.

Угрим лишь головой мотнул:

– Нет, князь! Весть у меня. Преспешная!

– Ешь, ешь, – заулыбался князь. – Весть никуда не денется.

Угрим вздохнул, прошел и сел напротив. Взял ложку, принялся хлебать. Потом, словно ожегшись, спохватился. Всеслав сказал:

– Налим, налим. Он самый. А вкусно ведь?

Угрим пожал плечами, свел брови, снова начал есть. Князь улыбался. Вот придумают! Что с чешуей, то хорошо, то чисто. А если без нее? А если человек посты блюдет да сирым помогает, на храмы жалует, а пение услышав, умиляется и слезы льет – то он хорош? Но если он же, этот человек, поганых наведет и все вокруг сожжет, а крест на мир поцеловав, потом велит убить... Так кто же есть налим? И кто от Дедушки, от нечисти зеленой? Я или он?!

Бряк ложка, бряк. И – тишина. Князь поднял голову. Угрим уже поел и утирается. И опять утирается – гадливо. И сплюнул даже. Вот! Он злой, Угрим. Когда тогда, зимой, по смерти Ярополковой, привез он сюда Глебову, а ты, Всеслав, засомневался, а надо ли ее принимать... Да что теперь об этом?! Теперь вот ее брат, князь Ярослав Ярополчич, к тебе же стучится!

– Ну что, – мрачно сказал Всеслав, – чую я, побежал Ярослав из Берестья. Так?

– Так, – кивнул Угрим. – На север, на Городню. На Неру-реку вышли и стоим. Там Вячеслава ждем в подмогу. А он чего-то... – и Угрим умолк.

– Вот! – зло сказал Всеслав. – Вот так всегда! А я ему, Ярославу твоему, что говорил? Я говорил: «Не выходи! И брату своему не верь!» Так нет, идут! Сидели бы за стенами, никто бы вас там не достал. А что теперь? Да будь я там на месте Святополка...

Но дальше Всеслав ничего не сказал, остерегся, а только глянул на Угрима. Угрим зло сказал:

– Великий следом не пошел. Он сел в Берестье. За нами сыновей послал.

– А, сыновей... – Всеслав задумался.

– Мы и теперь стоим, – сказал Угрим, – и сыновья его стоят. Вот Вячеслав придет...

– Вот-вот! – Всеслав не выдержал и встал. – Уж он придет! Придет!..

– Да! И придет! – Угрим вскочил, побагровел и продолжал: – Придет! Он Ярополку брат родной, он слово сдержит. А ты... Тебя всю зиму ждали!

Князь стиснул зубы, помолчал, потом тихо сказал:

– Ты сядь, Угрим. Чего кричать? Я тоже сяду.

Сели. Долго было тихо. Постучало в висках, унялось. Вот и всегда так, сердито подумал Всеслав, брат, не брат. Брат – он какой ни есть, а свой, а ты всегда чужой. Изгой. Нет тебе веры. Ты как степняк! А степняку не грех и клятву дать, крест целовать, наобещать и заманить, как хана Итларя брат Мономах заманивал, а после живота лишил. Так и с тобой – хорош, но до поры! И князь, вздохнув, заговорил – неспешно, тихим голосом:

– Ну, что я не пришел... так не пришел. Но не предал я вас. И не предаю. Понял, Угрим?

– Понять-то понял. Да только это не ответ. Мой господин хотел, чтобы ты...

Всеслав рукой махнул, зло перебил:

– «Мой господин! Мой господин!» Твой господин, Угрим! А мне он кто? Он сын того, кто бил меня, жег мой удел. Он внук того, кто звал: «Приди, Всеслав, помиримся, поделим дедино, рассудим; мы же одна кровь!» И я пришел. А он, дед господина твоего, меня – да в железа, да в поруб! Но и тогда я зла не затаил. Когда его из Киева прогнали, то я – один на всей Руси – сказал ему: «Брат Изяслав!..» И Ярополку Изяславичу не поминал Голотческа, да и потом, когда он из Волыни выбежал, опять же только я один... А и зарезали его, но я от своих слов не отказался, взял его дочь за Глеба. А мог не брать. Ведь мог?

– Мог. Да...

– Вот то-то и оно! А взял! И вот опять: мог не вступаться я за Ярослава Ярополчича, ибо вы сами по себе, мы сами... А ведь вступился же! А то, что я к Берестью не иду... так понимать надо! Вот ты седой уже совсем, Угрим, уже пора понять: мечом славы добыть ума много не надо. Вот без меча... – и усмехнулся князь, огладил бороду, сказал, как малому: – Да Святополк давно бы подушил вас всех, когда бы без оглядки шел. А так ведь знает: есть Всеслав, сидит у себя в Полтеске, и изготовился, и только ждет того... А, может, и не ждет, а уже выступил. Вот как Великий думает, Угрим, и оттого и медлит! И оттого всю зиму под Берестьем простоял, а вас так и не тронул. Он и сейчас стоит; он сыновей послал вдогон, а сам ни с места, ибо он страшится: а вдруг Всеслав, как в прежние года, возьмет да кинется! Вот так-то вот, Угрим. А ты: «Брат! Брат!»

Опять долго молчали. Потом Угрим сказал:

– Пусть так. Но как нам теперь быть? Ведь ты же не идешь.

– Да, не иду. А быть вам так! Пусть Ярослав брата не ждет, а пусть уходит в ляхи. И спешно, Угрим, очень спешно! Потому что здесь, на Руси, никто ему уже...

– Князь!

– Я сказал! Никто за Ярослава не заступится! Да и потом... – Всеслав вздохнул, печально улыбнулся. – Ну что мне стоило наговорить тебе с три короба, наобещать, мол, передай, что я, Всеслав, целую крест...

– Но ты же не целуешь!

– Не целую. Не целовал и не пришел. А Вячеслав ведь целовал? Чего молчишь? Вот то-то и оно, что целовал. А дальше что? А то: у вас там на Руси давно такой обычай: кто поцелует, тот и предает. Вот Святополк и ждет, когда брат Ярослав Вячеслав...

– Князь!

– Сядь, Угрим!.. Вот то-то же. Охолопись. И слушай, что там дальше будет. А дальше... Да! Вот так...

Князь головой мотнул, утерся рукавом и, ком сглотнув, заговорил, хрипя:

– Кто первым выбежал из Киева? Не Вячеслав, а Ярослав. И Ярослав же брату написал: мол, жду, даю тебе Городню, и будем за один и отобьемся, а после на Волынь пойдем, на отчину. Ведь так?

– Да, так.

– Вот то-то же! Теперь приходит Святополк, великий князь и всем вам господин, и Вячеславу говорит: я знаю, ты не виноват, а это старший брат тебя сманил, и посему тебя прошу и даже Городню тебе оставляю, владей; но ты за это, Вячеслав...

– Нет!

– Да! Запомни, что я говорю, Угрим, запомни! И Ярославу так и передай: Всеслав почуял! Понял? И чтоб бежал он в ляхи, Ярослав; нам, полочанам, к нему не успеть, а других совсем не будет. Поэтому гони, Угрим! – князь встал. – Гони! Тебе коней дадут, каких захочешь. Скажешь, что я велел... Угрим! День нынче года... жизни стоит! Ну!

Встал Угрим. И был он черен, зол. Да он всегда такой, еще по свату памятен. Встал и ушел, не поклонившись. Пес, гневно подумал Всеслав. И тут же: и пусть его, пусть Ярославу говорит, что хочет. Пусть – мертвые сраму не имут...

Но гадко, грязно, подло было на душе! Всеслав ходил по гриднице, садился, вновь вставал. Да, мертвые не имут, это верно. А кто еще живой, тем как? Еще семь дней вот так ходить, носить это в себе... А что ты можешь? Когда бы не Она, тогда бы ты сказал: «Беги ко мне!» Гонец два дня туда, день там, и Ярослав через два дня сюда. А если что в пути? Бежать-то им не просто так, а через ятвягов. Да и кто в среду сядет в Полтеске? Кого назвать? Глеб, Ростислав, Давыд, Борис? Ох, маета, подумал князь, остановился, посмотрел в окно, но ничего там не увидел, как будто там по-прежнему темно, как ночью, и, значит, нужно было спешно звать Игната...

Но он только горько усмехнулся и подумал: а вот если бы ты, Всеслав, прошедшей ночью умер, тогда бы не застал тебя Угрим. И теперь говорили бы все: «Эх, не судьба! А был бы жив Всеслав, так заступился бы за Ярослава! И Святополка бы разбил, и племя его выгнал из Владимира, и отдал бы Волынь законным, Ярополчицам!»

Так что, Она права? Выходит, что и впрямь всем нужно уходить в свой срок, а как задержишься, так и хлебнешь, ох и хлебнешь! А ведь лишь только первый день пошел! А их всего семь! И за эти семь дней...

Сел князь и обхватил руками голову. Гордец, сердито думал он, что возомнил! Володша, тот...

...Смеялся князь Володша, говорил:

– Молчат находники! Не лезут.

И не лезли. Рюрик опять ушел за море. И долго его не было. Вместо него сидел посадник, из варягов, и он брал дань, но только с ближних, с ильменцев.

Зато князь киевский, Оскольд, вошел в большую силу и брал и с ближних, и с дальних. А было это так: он сперва Любеч подмял, после Чернигов. А после взял Смоленск. После пришла зима. И пришел Оскольд к Полтеску. Пришел, как после все будут ходить – по льду, по замерзшей Двине. И только он пришел, и только встал на Вражьем Острове...

Как в Полтеске начался мор! И люди стали говорить, что это им за то, что они перебили доверившихся, да еще где – за поминальным столом! Володша гневался, кричал: а кто их к нам звал, белобровых?! Да только мор от этого не унимался. Тогда пошел Володша на кумирню и жег дары, рабов. Много сжег, но Перун ничего не ответил. И не заступился. А люди стали говорить еще страшнее: что Перун – старый бог, умирает, а у Оскольда бог совсем другой – и моложе, и крепче! Грозный, ромейский бог! И сам Оскольд теперь почти ромейч, и это он только для нас Оскольд, а для ромейского бога Оскольд – Николай. И чтит его, а бог ему за это дает силу. Володша не верил, смеялся. Тогда ему сказали: смейся, смейся! Прошлой зимой Оскольд тоже смеялся! Да и не только он один, а с ним весь Киев, когда к ним из Царьграда

пришел ромейский волхв, он звался Михаилом, принес писание и говорил, что вот где истинная вера. Над тем Михаилом смеялись. Тогда сказал тот Михаил: «Смотрите!» – и бросил то писание в огонь. И отступил огонь! И все они, кияне, поклонились. И были крещены. А вот теперь они с тем грозным и всеильным богом пришли сюда. Их тьма. Мечи, щиты, кольчуги – все на них ромейское. А у Володши что? Да и Перун молчит. И отвернулись люди от Володши, отворили Лживые Ворота – те, прежде Верхние, через которые Трувор входил...

И побежал было Володша, но его схватили. И разорвали его здесь же, под окном. Оскольд на полочан дань положил и возвратился к себе в Киев. И тихо было в Полтеске, и заправлял здесь всем тогда Оскольдов посадник Четырь, а по ромейскому богу Леонтий. Володшу же, жену его, и сына, и братьев, и всю иную родню – всех под корень...

Всех, да не всех! Микула уцелел, Володшин младший сводный брат. Он, люди видели, в тот день ушел вниз по реке, их было две лодки всего. И, говорили, что они ушли к варягам. И, это добавляли уже шепотом, был Микула в Володшиной княжеской шапке. И это не зря! А потом...

Скрип! Что это? Князь резко поднял голову...

Игнат стоит в дверях. Переминается.

– Ну, что еще?! – спросил Всеслав.

– Так ждут они давно, – сказал Игнат.

– Которые?

– Те, на реке.

– А что Угрим?

– Уехал. Скоро. И всё честь по чести. Дали ему Лысого. А в поводу – Играя и Стреножку.

– Ладно. Иди. И я сейчас приду.

Игнат ушел. Всеслав нахмурился и осмотрелся. Тихо в гриднице, пусто. И бедно! Стол, миска, хлеб – и это всё. Да только что еще нужно? Если вот прямо здесь, за этим же столом, раньше отец сидел! А еще прежде дед. И много еще кто – весь род! А первым сел Микула. Надо, надо уважить, конечно! Князь отломил краюху хлеба и понюхал. Постоял... А после подошел к печи и опустился на колени. Тихо позвал:

– Бережко! Бережко!

Никто не ответил. Да князь ответа и не ждал. Он переломил краюху, покрошил. Опять позвал:

– Бережко!.. Ешь!

И сыпнул хлебных крошек в подпечье. Потом осторожно туда заглянул...

И улыбнулся – угольки! Да, словно угольки. Моргают, тусклые. Значит, жует. Сыпнул еще, потом еще, подумал: лик, он издалека привезен. А Микула ликов не имел, он кланялся кумирам... А Полтеск у Оскольда взял! Прости мя, Господи! Перекрестился князь, встал, осмотрелся. Никого. Стол, миска, хлеб. А за окном давно уже светло. Значит, пора уже идти. А то, небось, заждались.

2

Всеслав спускался по крыльцу. Крыльцо под ним скрипело. А что, и правильно, думал Всеслав, когда живой идет, оно всегда скрипит. А вот Она ходит неслышно. А ты пока живой, еще скрипишь...

Тьфу, гневно подумал Всеслав, какая грязь кругом! От крыльца – сразу в грязь! Идешь и хлюпаешь как по болоту. Перемостить давно уже пора! И говорил ты им, кричал даже, срамил! Но что им грязь? Им грязь привычна. Им – чтобы все было в грязи, чтобы никто из нее никогда не мог вылезти. И думают, что так оно лучше всего. И правильной, ровней. Ну да, куда еще ровней, когда холоп да князь равно в грязи! А если нет, так они сразу же бух в Зовуна – и глотку драть: в грязь! в грязь! И это будто бы по-дедовски. А если даже так, то что с того? Да разве только то, что по-дедовски, то и есть верх всего? Глушь, медвежатица! И зверь в тебе взалкал, щека задергалась... Тьфу-тьфу! Всеслав, охлони! Какое тебе теперь дело до них? Тебе осталось-то всего да ничего, терпи!..

Всеслав остановился, постоял. После пошел, но уже не спеша. И так же не спеша князь думал: вот я иду и не гневаюсь. Вот я всё, что вижу, терплю. И всех, кого я вижу, жалую. Вот я миную двор. Вон Хром идет навстречу. Бог в помощь, Хром. А вон идет Бажень. Будь здоров, Бажень! Всеслав кивнул Бажену, потом опять кивнул еще кому-то, а вот кому, не рассмотрел, да это и неважно...

И тяжело остановился и повернулся к Софии. Поднял взгляд вверх, на ее купола. Снял шапку, перекрестился. Отдал поклон – не Зовуну, но только ей, Софии, потому что Зовун, он не наш, а он сам по себе, вечевой. И даже он не Зовун, а крикун! Но и мы тоже только сами по себе, гневно подумал Всеслав, и тоже слово знаем! И надел шапку плотно, глубоко – на самые глаза – и пошел дальше...

А сразу ведь хотел идти без шапки! Взял сапоги варяжской юфти, нагольный полушубок, меч. А шапку отложил.

– Застынешь, князь, – сказал Игнат. – Вон как тебя ночью знобило.

– Так то не от этого.

– Все от того. И все к тому!

– К чему?

Игнат не ответил. Но и Всеслав смолчал, больше уже не спрашивал...

И вот теперь он в этой шапке. Да только разве это княжья шапка? Сколько ей лет уже, гневно подумал Всеслав, да он еще на море в ней ходил, значит, с десятков будет. Ворс вытерся до лысины. В такой, что ли, в среду положат? А хоть бы и в такой – ему же этого уже не видеть! И Зовуна тогда уже не слышать! Вспомнив о Зовуне, Всеслав не выдержал и оглянулся – и посмотрел на него. Да только что там нового увидишь, Зовун как Зовун! Висит себе, как и всегда висел, ветер под ним, под языком, веревку треплет. Там, наверху, еще свежей, Зовун, небось, озяб без дела. Но погоди, даст Бог, скоро согреешься – и еще как! Вон в среду сколько звону будет, радости! Всеслав злобно мотнул головой, отвернулся и пошел дальше, к воротам.

В воротах стояли дружинники, Чмель и Вешняк. Эти увидели князя и заулыбались. А что, подумал князь, и правильно, потому что он кто им? Кормилец! А кто им Зовун? Вот то-то же!..

Да только теперь, вдруг подумал Всеслав, уже не срок делить на княжых и на градских. Теперь это все позади. И он, кивнув дружинникам, вошел в ворота. В те самые, которые когда-то были Верхними, а теперь называются Лживыми. Сначала Трувор через них входил, потом Оскольд. А прадед твой, Владимир Святославич, внук Игорев и правнук Рюриков, тот сюда конно въехал, по костям. Да и по чьим еще костям, прости мя, Господи! От Буса счет ведем, и было в этом счете всякое, но никогда еще такого не бывало, чтобы вот так к нам в род и в

кровь въезжали – конно и незвано и через нашу же кровь и по нашим костям! И вот от них, вот от этих ворот, от того дня и началась вражда непримиримая! А сразу за воротами мосток, ров под мостком. И в этом рву, когда со стен стреляют, ох немало руси полегло!..

Нет, всё это не то, совсем не то, думал Всеслав, вступая на мосток. А сразу за мостком тропа вильнула в сторону, в кусты, и круто пошла вниз, к реке. А на реке, у берега, Всеслав увидел лодку, а в ней, на веслах, двух Невьянов: один Ухватый, а второй Копыто. Всеслав нахмурился, подумал: это недобрый знак – садиться между одноименными. Да только что теперь к добру?! И он пошел дальше, спустился, после легко, не по годам, заскочил в лодку, сел между гребцами и велел:

– Не шибко.

Невьяны ровно, ладно выгребли на стрежень. На Вражьем Острове кричали галки. На Заполотье было еще тихо, там даже еще туман не разошелся. И ветер как будто бы стих, но пробирало крепко. Всеслав поплотней запахнул на себе полушубок. Сидел, смотрел на воду. Вода была серая, мутная, в такой ничего не рассмотришь. Да и зачем это рассматривать, думал Всеслав, когда и так всё известно! Здравствуй, Дедушка, вот я тебе поклонился, ты видишь? Так и в Никитин день я тоже тебе кланялся! Это от меня тогда были те люди и от меня тот дар! А ты мне вчера отплатил – и я это уже отведал. Очень было жирно, очень вкусно! Жаль, что в последний раз. Правда, теперь у меня все будет последнее: сначала ты, а дальше пойду поклониться Хозяину. Как думаешь, он меня примет? Молчишь? Ну-ну, молчи, а что тут скажешь!

Всеслав вздохнул и разогнулся, и на воду уже не смотрел – а вперед. Невьяны гребли молча, споро. После Всеслав повернулся к Копыту, спросил:

– Там, что ли, Дедушку нашли? – и указал на ближайшую заводь.

– Нет, пусто там, – сказал Копыто. – А это вон где, дальше. И то он не сразу отозвался! Полдня искали его, кликали. А тихо! Но этот всё равно нашел! Этот, конечно, а кто же еще! – и Копыто кивнул на Ухватого. Ухватый только хмыкнул, отвернулся.

И опять они молча гребли. А князь опять смотрел на реку, думал: они ловкие. А будешь неловким – и будет беда. Он же потом всё лето будет пакостить – сети порвет, челн опрокинет. А то и самого тебя утопит! Поэтому, как только Никитин день наступает, а Дедушка просыпается – и всегда злой, голодный – а они уже здесь! И вот уже ему твой дар! Лучше всего, он больше всего это любит, лошадку ему утопить. И тогда уже все лето будь спокоен! Как Ратибор тогда...

Нет-нет! Князь отмахнулся, словно от видения, неловко, криво усмехнулся и спросил:

– А налива кто прибрал? Тоже ты? – и посмотрел на Ухватого.

Но тот опять только хмыкнул. Зато Копыто сразу зачастил:

– Он, князь, а кто же еще?! Вот вроде мы рядом стояли. И у меня ничего. А он ладошкой по воде плясь-плясь, потом чего-то пошептал – и зверь к нему идет! А он его за жабры! Он слово знает, князь. Он и креста не носит!

– Ношу! – обиделся Ухватый. – Тогда только и снял, чтобы...

– Вот-вот, снимает! – перебил Копыто. – Значит, не зря! А я хоть целый день буду стоять, и хоть сниму, хоть не сниму – и ничего. А этот только пошептал... Да ты не бойся князя! Князь сам...

– Что сам? – строго спросил Всеслав.

– Да так... – Копыто поперхнулся. – Глуп я. Не слушай меня, князь.

– Я и не слушаю. А ты молчи!

Молчали. Город уже скрылся. Теперь по левой стороне были одни курганы. Поганые. Заросшие! Ибо туда ходить нельзя, ты сам это всем запретил. Ибо, сказал, не вера это, а обман, и не боги, а зло. Стозевые и ненасытные! А сам что на груди носил? Пресвятый Боже! Только в Тебя верую! А то, поганое... Зачем оно мне, торопливо подумал Всеслав. И жарко мне, думал

он дальше, еще торопливее. Распахнул полушубок, схватился за грудь, сунул руку под ворот, нащупал крест...

И отлегло, отпустило! А то, подумал, вдруг Она ночью и крест... Нет, крест был на месте! Князь сжал его – сильней, потом еще сильней. Казалось, что еще немного – и он проткнет ладонь, но князь сжимал его, сжимал. Крест, думал, вот где сила. Кем ты ни будь, а он сильней тебя! Жил в Кракове епископ Станислав. Он говорил: король погряз в грехе. И подбивал людей на бунт. А может, и не подбивал, а просто говорил, как оно было. Но король Станислава не слушал! И тогда Станислав объявил, что не допустит короля к причастию. И вообще не примет его в храме. И вот тогда король – тот самый Болеслав, который вел на Киев Изяслава и изгонял тебя, законного... Да, и законного, а что?! Ибо кто ты? Внук Изяславов, старшего из сыновей Владимира, и принял ты венец его, Владимиров, по чести, всенародно, и сам митрополит тебя венчал... Да, Болеслав! Так вот, тот самый Болеслав – Необузданный, так его звали – явился в храм, схватил епископа прямо во время мессы и угрожал ему мечом! А Станислав сказал: «Побойся, Болеслав! Что будет мне, то будет и всей Польше. Вот я целую крест, что будет так!» И он поцеловал. А Болеслав только смеялся. После схватил епископа и выволок на его площадь, и там его убил, четвертовал. И что теперь? Нет прежней Польши, нет короны! Поднялся люд, изгнали короля... И вместе с ним исчезла и корона. Говорят, что Болеслав унес ее с собой, спрятал под рубищем, бежал. И где-то в Швабии, Тюрингии – никто точно не знает, где – он сгинул. Тот самый король Болеслав, который Киев брал, Поморье жег, богемцев, угров воевал... А вот теперь его брат Владислав – просто князь. А Польша, как тот Станислав, разрублена и четвертована, распалась на уделы. Вот каково чрез святой крест переступить! И вот в чем твоя сила, князь, – в кресте, а не в бесовских чарах. Что чары? Дым! Сожгли Перуна – и ушел Перун, рассеялся как дым, курганы заросли. А ты как правил, так и правишь. А оберег сорвал, а крест поцеловал – и Она от тебя отступила! А сколько лет носил ты этот оберег, и как ты на него надеялся! А зря! Всего семь месяцев ты был Великим князем. Когда же ты узнал, что Болеслав идет, то выступил ему навстречу, и верил ты, что оберег спасет тебя, как спас из поруба и как вознес над всей Русью! А после... предал он тебя, не оградил от ляхов! И ты ушел, бежал в ночи – как волк. Обидно было, зло душило. Одно тогда лишь и утешило: что будто Болеслав взял Изяслава за грудки...

Да только лгали люди! И так всегда. Лгут, если это им на пользу или в утешение. А также еще лгут для страха – и не только для того, чтобы кого-то напугать, но чтобы и себя. Ну а себя-то им зачем? Ведь же Микула говорил:

– Страх – это зло! Ты не должен никого бояться, только тогда ты настоящий князь.

И Микула знал, что говорит. Семь лет был Полтеск под Оскольдом, семь лет Микулы с нами не было. Бежал совсем еще мальчишкой, зато вернулся настоящим воином, и воинов привел с собой. Много привел! А собирал их, говорил, по зернышку: свеи, урманы, пруссы, руянцы. Им всем – что Удин, что Перун, что Святovit или ромейский Бог – едино. И вот пришли они, Микулины дружинники, стали на Вражьем Острове. А было их семь кораблей, по-варяжски – драккаров. Под вечер дали полочанам знать – стрелой пустили грамоту. В ней было сказано: «Завтра зажгу. Бегите». Но полочане в это не поверили, били в Зовун, сошлись на вече. Потом всю ночь готовились, утром взошли на стены...

А Микула, как и упреждал, зажег! Они метали огненные стрелы – и загорелся город. Потом пошли они на приступ. И вошли. И люто резали – всех, без разбора. А что! Им так велел Микула, он кричал:

– Под корень! Всех! За брата! За жену его! За род! За страх мой! Режь!

И они порезали. А огонь был такой, что после только через год отстроились. И опять жизнь пошла! Новый терем поставили, новое капище, новые стены. Пришел Бережко, приплыл Дедушка. Микула строго княжил! Детей своих от королевны урманской, как только они под-

росли, сразу послал варяжить. Ушли трое, а вернулись двое. Он их опять послал – и вернулся уже только один, Глеб. Вот этот Глеб потом и правил. Ятвягов воевал, литву, латгаллу...

А с Русью был особый уговор: вы сами по себе, мы сами. Но так стало не сразу. А сразу было вот как: когда Олег пошел на Киев на Оскольда, то он послал в Полтеск меч – мол, берите его и идите за мной. Но Микула этот меч переломил и возвратил его Олегу. Тогда Олег один пошел. Сел в Киеве, Оскольда удавил, храмы ромейские пожег, вернул Перуна. А после опять послал своих людей к Микуле. Но на этот раз люди пришли ни с чем. Как это так, спросил Микула. А так, ответили ему, меча меж нами нет, вот что, и мы идем на волоки. Микула засмеялся и сказал: быть по сему! На том и порешили: Двина моя, Днепр твой, а волоки наши, едины. К тебе идут купцы, ко мне – пусть вольно ходят, ибо меча меж нами нет.

И долго его не было. Сперва у них Олег сидел, а после Игорь, а после Ольга, а после Святослав – и все они держали мир. А после даже более того: стал Святослав все чаще заговаривать, что, мол, у тебя, брат Рогволод, есть дочь-красавица, а у меня есть сын. Но если бы так просто – сын. А то ведь их у Святослава было трое, и двое из них королевичи, а третий – рабич Владимир, вот кто! Всеслав, вспомнив такое, стиснул зубы, щека опять задержалась.

– Игнат! – крикнул Всеслав.

Но тут же опомнился и посмотрел на Невьянов. Но они как ни в чем не бывало гребли. Всеслав помолчал, подождал...

Нет, они на него и не смотрят. Так, может, подумал Всеслав, крика и вовсе не было? Может, это ему опять почудилось – как ночью?! Или он стал совсем как баба? Смерти испугался, вот как! Или не смерти, а Хозяина? А ведь Хозяин уже совсем близко, подумал Всеслав, осмотревшись. Бельчицкий ручей они уже миновали, осталась только Слепая коса. Слепая, повторил Всеслав, и поморщился. Люди думают, что они зрячие. Ну, мало ли что люди думают! Да и до людей ли сейчас? Тихо, гладко кругом. Князь опять склонился над водой и тайно, про себя, заговорил: где ты же, Дедушка, хоть бы разыграл, волну пустил, ладошкой хлопнул! Ведь я же тебя на этот раз не просто одарил – а я, как чуял, тебе Орлика пожаловал! Его ко мне вот так же, по весне, от угров привели. Купец попался въедливый, он цену не сбавлял, а наоборот накидывал. А жеребец храпел, приплясывал. Красавец! А масть, как говорится, в бороду – такая же каурая, а глаз бешеный, а холка двужильная! То есть по всем приметам надо было брать. И взял я, и смирил его, взнуздал. После провел в поводу, остудил, а после вскочил на него... И аж сердце запело, вот как! Потому что ну еще бы! Стать у Орлика видная, шаг легкий, бег размашистый. Но только ох как давно это было! А нынче...

И он посмотрел на того, кто смотрел на него из воды и подумал: а нынче ты и сам уже не головной, а кляча клячей. А конский век еще короче! Поэтому когда четыре дня тому назад Игнат спросил, кого будем давать, ты сердито ответил:

– Так этого! Я же им уже показывал, которого!

Но так и не сказал, что Орлика, не смог. Но Игнат и так всё понял, весь аж побелел и чуть слышно сказал:

– Да что ты?! Как можно?! Грех-то какой! Его – да водяному!

А ты ему гневно:

– А ну! А не то!.. – и схватился за меч.

И взяли они Орлика, свели его к реке. Там ему голову медом намазали, солью посыпали, а в гриву ленты вплели. После стреножили его и повалили в лодку. Ухватого на берегу оставили, а сами выгребли на стрежень и стали ждать знака. Ухватый ходил, слушал, после чего-то услышал, махнул рукой – и они толкнули Орлика из лодки. И больше не стало Орлика. Отвечал его Дедушка, замаслился и привел Ухватому налима – прямо в руки, не надо ловить! И, значит, не налим это, а Орлик. Вот так-то, князь! Только какой в этом грех, если ты теперь сам почти как Орлик? А что, разве не так, подумал князь и мрачно усмехнулся. Так, конечно! Потому что ты вот сейчас приплывешь, накормят тебя, выведут... Конечно же, это поганство,

но так давно заведено. Сперва отец ходил, а ты только смотрел, а после уже сам туда ходишь – с пятнадцати лет. А этот раз, как ты теперь знаешь, последний. Да и вон уже они – стоят на берегу. Там, впереди... Но Всеслав отвернулся от них и сердито велел:

– Шибче! Шибче давай!

Зачастили Невьяны. Брызги летели холодные, прямо в лицо. И это был славный холод! А берег быстро приближался. Да, снова подумал Всеслав, а ведь и вправду как Орлика! Шшах – прошуршало днище по песку. Лодка уткнулись в берег. Всеслав поднялся и поправил шапку. Копыто – по обычаю – сказал:

– Под ребра, князь!

– Как водится, – сказал Всеслав и быстро вышел из лодки. И так же быстро взошел на бугор. Сказал выжлятникам:

– Не обессудьте, припоздал. Дела были спешные.

Выжлятники – их было трое – согласно закивали: спешные. А старшой из них, Сухой, еще сказал:

– И не беда. Дни нынче длинные, успеем.

– И то! Пошли, – велел Всеслав.

И они все четверо пошли. Всеслав шел впереди. Ноги сильно скользили в грязи. Грязи было очень много. И это уже на бугре не пройти, раздраженно подумал Всеслав, а что тогда будет внизу? Совсем болото!

Так оно там и было – болото. После свернули в ельник – и там то же самое. Шли, хлюпали. Молчали. Потом Сухой заговорил:

– Все в срок идет. Он еще с ночи встал, маленько походил, а теперь опять лежит.

– На ветках лег? – спросил Всеслав.

– Нет, у себя, в берлоге. Это он вчера на ветках был. И позавчера. А тут будто почуял! Лежит, не кажется. Я думаю, что это добрый знак. Так, князь?

– Так, – равнодушно ответил Всеслав.

Сухой опять что-то спросил, но Всеслав не расслышал. Не слушалось! Хотелось просто тишины... А тут еще опять полезло в голову такое: а ведь и впрямь, наверное, всему свой срок назначен. Сейчас срок реке просыпаться, и лесу тоже, и полям, значит, пора год начинать. Жаль только, что день сегодня выдался неладный – грязь, холодно, дождь собирается... Да только дело не в дожде, а в том, что сколько лет ты сюда ходишь, а так и не привык. Но тут привыкнуть трудно! Это потому что ты как Орлик. А этим, выжлятникам, что? Сухому тридцать лет от силы! А Третьяку и того меньше. А Ждан вообще еще безусый. На следующий год они другого князя сюда поведут и будут говорить ему «все в срок». Им еще жить да жить!

Собака тявкнула. Костром повеяло. Князь усмехнулся и подумал, что он уже как раз проголодался – значит, и это тоже в срок!.. Как вдруг Сухой спросил:

– А правда, князь, про кречета?

– Про кречета? – переспросил Всеслав. – Которого?

– Так, говорят, тебе пообещали.

– Кто?! – удивился князь и даже остановился.

Сухой пожал плечами и сказал:

– Так ведь болтают всякое...

– Ну-ну!

Сухой вздохнул и отвернулся. Они опять шли молча. Ишь, кречеты, гневно подумал Всеслав, откуда он такое взял? И, не удержавшись, спросил:

– А что тебе до кречетов?

– Так, ничего, – осторожно ответил Сухой. – Просто я их ни разу не видал. А говорят, что они лучше соколов. И их за Камнем, говорят...

– Так то за Камнем! Вон куда хватил!

И князь даже рукой махнул, будто показывал, где кречеты. И опять они шли молча. Хлюпали. Теперь уже не думалось – совсем.

А вот и та поляна. Вот и костер горит. И они все там сидят. Но только завидели его и сразу подскочили. Один Ширий Шумилович... Нет, вот и он встает. Любимов прихвостень, заводчик, гневно подумал Всеслав. Вот ты ж поди, нашли кого прислать, дальше подумал князь, еще сильнее распаляясь. Сейчас начнет во здравие да приторно! Ну, говори же ты!

Но Ширий почему-то молчал. И все они молчали. Наверное, что-то случилось – и очень недоброе! Князь настороженно спросил:

– Не удержали, да? Ушел Хозяин?

– Нет, не ушел, – уклончиво ответил Сила.

– А что тогда?.. Ширий!

Ширий степенно облизнулся и сказал:

– Хозяин плачет.

Вот, сердито подумал Всеслав, а что ему, смеяться, что ли? И удивленно спросил:

– Как это плачет?

– Так. Послушай.

И замолчал Ширий, застыл. И все они молчат. Всеслав чутко прислушался...

Тишь-тишина! Собак, и то не слышно – лежат, уши прижав, не шелухнутся. А вот как будто бы... Всеслав нахмурился... А вот опять... А вот...

Всеслав шумно, облегченно выдохнул, осмотрел их и насмешливо сказал:

– Так это же скрип, а не плач! Ну, дерево скрипит, а вы... как бабы старые!

– Нет, князь, это плач, – тихо сказал Ширий. – Мы подходили. Это от Хозяина.

– А хоть и от него! Ее почуял, вот и плачет.

– То, что Ее, так это верно, – согласно кивнул Ширий. – Вот только чью Ее!

Пес! Мелет что! Взъярился князь: рот сразу повело, оскалился, а рука – тоже сразу – на меч!

– Князь! Господарь! – крикнул Сухой, схватил его, сдержал.

Да, сдержал бы, не будь моей воли, сердито подумал Всеслав, и оттолкнул Сухого. Но и меч убрал в ножны. Неспешно убрал! После очень недобро сказал:

– Ладно! Живи, Ширий! Садись пока... А вы все чего стоите?!

Все опять опустили к костру. Теперь они опять сидели. А князь стоял и слушал... Да, сердито подумал, скрипит. Но где это точно, не видно, там же такая чашоба... И ладно, пусть так! И князь сказал в сердцах:

– Бери! – и растопырился, руки развел.

Сухой снял с него меч, шапку, полушубок. Князя опять стало знобить, как ночью. Но теперь это просто от холода – это здоровье. Князь усмехнулся, подошел к костру, сел, осмотрел собравшихся. И они тоже на него смотрели. И все по-разному! Так ведь и сами они разные, равнодушно подумал Всеслав и сказал:

– Ковш!

Ему подали ковш. В ковше был овсяный кисель на меду. Всеслав испил большой глоток, утерся и сказал:

– Ком!

Подали ком. Князь разломил его, съел половину и запил, еще отъел, а остальное передал по кругу. Ком был как ком, гороховый, Хозяин это любит. Как и овес, и мед. А скрип – это совсем не плач...

И тут выжлятники запели – тихо, заунывно. Только никакая это была не песня, а самое настоящее поганское заклинание. Хозяин, не гневись, пели они, Хозяин, не серчай, не обесудь, мы твои дети, мы всегда... Всеслав опять поежился. Пресвятый Боже, что это, зачем, сердито думал он, вот крест на мне, чист я, вот я тяну руки к огню, и лижет он меня, а не

согреться мне – мороз меня дерет. И прежде драл. К такому не привыкнуть. Но так заведено, терпи. Отец терпел, и дед, от Буса так идет, ты им как оберег, как Орлик. Поют они и смотрят на тебя, надеются, что отведешь от них Хозяина, задобришь, усмиришь. А нет так нет, в лес не пойдут, будут стеречься. Ударят в Зовуна, другого князя себе выкрикнут. А ты...

– Я, – сказал князь, – готов, – и встал.

Все тоже встали. Ширяй перекрестил его. Сухой подал рогатину. Пошли – князь впереди, все остальные следом. Князь шел и слышал, как Третьяк поднял собак, как те залаяли – но даже не оглянулся. Только поправил крест, перехватил рогатину. Шел и молил в душе: Пресвятый Боже! Наставь меня. И укрепи. Дай сил. Ибо один лишь Ты есть защита моя и твердыня моя, щит и прибежище. Велика милость и щедрость Твоя... И вдруг сбился, и подумал в гневе: а ведь не то это, не то! А ведь Она права! Сейчас твой срок или потом, через семь дней – все едино. Ибо что есть семь дней? Ничто. А сам ты кто? Никто. Вот и знобит тебя – и это совсем не от холода!..

– Куси! – крикнул Третьяк. – Куси!

Собаки кинулись к берлоге. Лай. Крики. Топот. Гиканье. В рога дудят...

И, наконец, его рев! А вот еще громче и злее! А вот еще! А где он сам? Всеслав, не утерпев, шагнул было вперед...

И вот он – выскочил Хозяин! А матерый какой, высоченный! Собак – хряп лапой, хряп. И завертелся, ринулся, вновь вздыбился и заревел. И тотчас же присел, упал, вскочил. А псы – знай, рвут его. За гачи, за спину. Так его! Так! Псаря орут:

– Ату! Ату! – и в бубны бьют, дудят в рога.

И вот он встал, застыл, оскалился и глянул на тебя. Вот, в самый раз его сейчас! Ну, князь, не мешкай!

– Хозяин! – закричал Всеслав. – Сюда! Вот я, твой брат! Ко мне!

И еще выступил вперед, и выставил рогатину, и рожон повернул на него! И еще закричал:

– Эй! Ты где?!

И тут он ринулся! Рев! Пена! Пасть!

Р-ра! Хррр...

...Темно. И тяжесть, духота неимоверная. Вот и всё, что подумал Всеслав... Потом подумал еще вот что: кровь хлещет – липкая, горячая. Моя? Нет, не моя. Жив я... И снова как будто куда провалился. Потом опять очнулся и подумал: а всё же я жив. И он тоже жив, он упал на меня и подмял. Но ему жить недолго! Трясет его, и он хрипит, бьет лапами. Задавит ведь, зацепит! Хоть кто бы пособил – вон сколько их... И тотчас же: нет, им это нельзя. Тут только сам на сам, я или он. Хозяин, не гневись! Я брат твой... Нет, я сын твой, твой раб – вот что теперь думал Всеслав. И еще: не гневись! Потому что да если бы воля моя, так разве бы я на тебя выходил? Но так заведено! Вот, привели меня они, я должен... И я не за себя молю – за них. Ибо да что мне эта жизнь, я взял свое, с меня давно уже довольно. А вот им...

Обмяк Хозяин – всё, значит, доходит. Вот, еще раз... Затих. И слава Тебе, Господи! Услышал Ты меня и уберег. Теперь бы вот еще хоть так, под его лапу подобраться, да на бок бы, да выползти из-под него...

Ф-фу! Кончено. Князь утерся, отплевался. Встал. Его качало. Он сказал:

– Я...

И упал. И вот только тогда они и подбежали. Шум, суeta вокруг! Теснятся, поднимают.

– Князь! – причитают. – Жив!

– Жив, жив... – сердито отозвался он и оттолкнул их, сел. В глазах плыли круги. Ломило спину.

Сухой участливо спросил:

– Помял топтун?

– Помял, – кивнул Всеслав. – Как водится.

И поднял руки, руки были целые. И голова ворочалась. Значит, и шея тоже целая. Всеслав ворочал головой, смотрел на них, и поначалу ничего не замечал, он просто был рад за себя... А потом вдруг заметил – они все какие-то странные: молчат, прячут глаза! Что это с ними, подумал Всеслав...

Но тут Ширий пролез вперед, быстро сказал:

– А кровищи! Кровищи! Дай, князь, стереть!

– Зачем? – зло усмехнулся князь. – Мне в ней привычно!

И резко встал, расправил плечи. И вправду, он был весь в крови. Да так даже лучше! И он у них грозно спросил:

– Ну, кто ваш господарь: я или он?

И они, как всегда, зачастили:

– Будь славен, князь! Будь славен, князь!

– Вот так-то! Жив я! Жив! – и засмеялся князь. Да вот только как-то невесело.

Потом был пир. Они сидели у костра, а костер развели высоченный, и пили и ели. Вино было ромейское, из терема, а мясо было горячее, жесткое, черное! А собакам были потроха и кости. А череп и правую лапу Сила завернул в холстину и отнес в лес, и там, где надо, схоронил. Это еще от Буса так заведено: кто делится – с тем делятся. Да и им разве мало чего? Вон какое вино – будто кровь! И вон мясо какое кровавое! И его резали на тонкие полоски, пекли на углях и ели. Так тоже издавна ведется. Так Бус, бывало, пировал. И Святослав, сын Игорев, внук Рюриков. И было у него три сына: Олег, Ярополк и Владимир. Олег и Ярополк – от королевны, а Владимир – никто, потому что рабынич, сын ключницы. И сидел Святослав в Киеве. Но это только говорится, что сидел. А вот и не сидел! А ходил воевать Святослав. Собрался и ушел, повоевал, собрал дань и вернулся, попировал, поклонился Перуну, опять собрался и опять ушел. И так пять, десять, двадцать лет ходил князь Святослав, и уже всех вокруг подвел под свою руку. И тогда он собрался далеко – на Царьград. И вот только тут... Никто не знает, почему: одни говорят, что был ему такой вещий сон, другие же говорят, что знак, а кто и что слово... Но вдруг подумал Святослав, а что будет тогда, если он вдруг из Царьграда не вернется? И решил поделить свои земли между своими сыновьями. И сделал это так: Ярополку дал Киев, а Олегу Древлянскую землю. Тогда обиделись, спросили новгородцы: «А нас на кого оставляешь?» Но Святослав на это отвечал: «Нет у меня больше сыновей!» – «Ну так дай нас хотя бы Владимиру». Дал... Смешные люди! Они в это верят! Да как же он забыл про Новгород? Да Святослав просто молчал и ждал, когда сами новгородцы у него Владимира попросят! Попросят – и он даст. И Ярополк с Олегом не обидятся. Вот как тогда рассуждал Святослав! А после разделил Русь, как хотел, и пошел на Царьград, на ромеев. Но сначала он пришел в болгары. И он там славно воевал – так, что и по сей день стоят те города болгарские пустые. А после пошел на ромеев и бил сперва царя Никифора, после царя Цимисхия...

Вот о чем вспоминалось Всеславу. Всеслав лежал возле костра. Было еще светло. Пахло паленой шерстью, кровью и – еще больше – ромейским вином. Наверное, из-за вина князь Святослав и вспомнился. А вино было крепкое, славное! Пил, заедал Всеслав и снова пил. Рог был большой, матерый, он наливался до краев, а хмель князя не брал. И это правильно, думал Всеслав, хмель – это для живых, для молодых. Вот и смеются они, пляшут, поют, пьют здравницы, кричат. Ширий, и тот забыл про свою спесь, руками машет, говорит, как он в прошлом году ездил в Смоленск и там охотился, как видел Мономаха, а у того есть лютый зверь, зовется пардусом, этот зверь ученый, но цепной, и если выйти с ним на лов и напустить его...

Да только не дослушали его – запели. Кто им, выжлятникам, Ширий? Посадский чин, он только языком болтать и может, гневно подумал Всеслав. И дальше думал: вот пусть там, на посаде, болтает! А пардуса и без него видали. Вышел Третьяк, накинул на себя еще мокрую, липкую шкуру, гигикнул, ринулся в костер и покатился по углям, и зарычал, завыл! И все тоже выть! И орать! Вот это им весело! Это им надо! Вот это их разговор! А Мономах – он

далеко. И Зовуна здесь не услышишь. Вина, кричат, давай! Еще вина! Пир шел горой. Они про все забыли. И это хорошо, ибо всему свой срок. Князь встал. Сухой поднялся следом. Ширия сидел – хотел было подняться, да не смог, – смотрел на них и медленно моргал. Любимов прихвостень, крикун. Вот в среду, видно, покричит.

И пусть себе кричит. Князь развернулся и пошел. Сухой шел следом, провожал. Ну вот, в сердцах думал Всеслав, и это тоже кончилась – его последняя охота. И день прошел. А что он сделал? Ничего! Зол был Всеслав! Шел как медведь – то по тропе, то напролом, ветки трещали. Сухой чуть поспевал за ним и ничего не говорил, и руки не подавал, и вперед не забегал – потому что знал: князь этого шибко не любит! Так они шли и шли, и пришли к берегу. Там Всеслав Сухому даже не кивнул, сам сошел в лодку, сел, махнул рукой – и Невьяны поспешно схватились за весла. Хватко гребли. И споро. Всеслав сидел, насупившись, смотрел по сторонам, по берегам. Быстро темнело. У Святослава было три сына: два от Предславы, дочери угорского хакана, это как будто короля, а третий от Малуши, ключницы. Собираясь в Царьград, Святослав так сказал: «Не вернусь. Не хочу! Вот поделил я вам Русь – и владейте». «А старшим будет кто?» – спросила бабка, Ольга. «А старшим – старший», – сказал Святослав. «Как это?» – закричала Ольга. «А так! Потому что он старший!» – сказал Святослав. И ушел.

А старшим был Владимир. Но Ольга не любила старшего. Он же не только был рабынич, но он, а это еще хуже, был, как и отец его, поганец. А младших, Ярополка и Олега, королевичей, бабка склоняла в ромейскую веру. А Святослав ромеев бил, едва Царьград не взял! И взял бы, если бы его не предали. А предали – и отступила русь, и мало их тогда осталось, и зимовали на Белобережье, голодали. Но не смирился Святослав, и весной опять собрался на ромеев. Но было у него мало дружины. Поэтому как только сошел снег, он послал гонца на Русь просить у сыновей подмоги. Ушел гонец, и Святослав ждал его, ждал... И, не дождавшись, сказал так: «Пойду я сам и сам возьму, сколько мне надо!» И пошел. И очень скоро шел! Вверх по Днепру, вверх, вверх! И говорил: «Ну, сыновья мои, приду – тогда не обессудьте!» И шел он, шел... Да не дошел! Потому что ведь сам говорил: не вернусь! А говорил, потому что был знак. И теперь всё по знаку и было: не устерегся Святослав, перехватили его на порогах. Дружина, прежде храбрая, вся разбежалась кто куда, и степняки срубили Святославу голову и сделали из княжеского черепа ковш для вина – для ромейского. Потому что одни говорят – печенегов ромей купили. А другие говорят, что нет, а что купили те, которые еще сами поганцы, а в ромейцы еще только собираются. Потому что дело же поганое! И если бы оно на этом бы закончилось – так нет! Кровь призывает только кровь: Ярополк на Олега пошел – и убил. И стал грозить Владимиру. Владимир убежал за море, привел варягов и пошел на Ярополка – чтобы, он так говорил, отмстить за Олега. И за отца – вот что еще сказал тогда Владимир! Ибо тогда был такой слух, что это будто Ярополк, убоявшись прихода отца, подкупил печенегов. А так ли это было или нет, никто на Полтеске не знал, знать не желал и не загадывал узнать, ибо вы сами по себе, мы сами, меча меж нами нет, и от Оскольда вот уже сто лет мирно живем, а что вы там, находники, между собой не поделили, так вы и далее между собой рядитесь ли, рубитесь – нам до этого нет дела. Как вдруг...

Является в Полтеск Добрыня, брат Малуши-ключницы, дядя Владимира... И сватает за князя своего, рабынича, нашу Рогнеду! Вот дерзость! Но это не всё! Он же еще, этот Добрыня, говорит, что свадьба будет в Киеве, в великокняжеском тереме, и кто туда вместе с Владимиром пойдет, не пожалеет, ибо Владимир столь щедр, что готов платить по десять диргемов за уключину, а тех уключин на каждой ладье пусть будет столько-то, а тех ладей ты, Полтеск, дай Владимиру под его руку столько-то, и тогда если посчитать, то и в Царьграде больше не возьмешь, чем в Киеве на свадебном пиру на мерзких Ярополковых костях!

Слушал это Рогволод, слушал. Потом, когда Добрыня замолчал, он еще немного подождал и только потом уже сказал:

– Нет, не пойду. И не зовите.

– Но это почему? – удивился Добрыня.

– А потому, что зла на вас не держим! – отвечает ему Рогволод и улыбается. И дальше говорит: – Твой князь мне брат. Но и киянин Ярополк мне брат. А разве брат на брата ходит?

– Как это «брат»? – удивился Добрыня.

– А так! – сказал князь Рогволод. – Ибо есть братья по отцу, по матери. Это если по крови считать. Но есть еще совсем другие братья. Только тебе такого не понять, рабынич.

Рабынич! Так он и сказал – насмешливо, прищурившись, – как будто плетью оттянул! Мол, знай, брат ключницы, и впредь не забывай, где твое место! Да разве смерда словом урезонишь?! Позеленел Добрыня, закричал:

– Ну, пес! Не отсидишься!

– Да, – кивнул Рогволод, – не отсижусь. Но и тебе сидеть передо мной не позволю. Эй, сыновья мои!

И подступили Бурислав и Славомир, взяли Добрыню под белые руки и вывели прочь. Указали рабыничу путь! Ведь срам какой – такое предложить! Да что они, находники, совсем ума лишились? Ведь он, Владимир Святославич, давно уже женат, жену в варягах взял, и у них уже есть сын, младенец Вышеслав. Так что же получается? Что Вышеславу, как старшему сыну, после достанется вся отчина. А Рогнединым, как младшим, тогда что? Вот где позор! Нет, не бывать тому!

Да только было так! И даже горше. Пришли они, варяги с новгородцами. Встречали их всем Полтеском. Но одолела русь, и легли князь полтеский и сыновья его, и вся их дружина. И по их костям Владимир конно въехал в Лживые Ворота, в терем вошел, сел там, где прежде Рогволод сидел, велел – и привели ее, простоволосую, опустилась она перед ним на колени, разула его, и взял он, прадед твой, ее...

Но, правда, после говорили люди, что будто бы в ту ночь было Рогнеде такое видение – являлся к ней сам Бус и призывал ее смириться, и обещал, что не оставит он ее и сыновей ее, а после наведет их на Владимира! Вот только было ли такое? Ведь прежде Буса видели только князья или их сыновья, и только им Бус вещал, а кто такая Рогнеда? Рогнеда – это только дочь, а дочь – это не кровь, не род, дочь – это так себе. Тебе, Всеслав, Бог не дал дочерей, а только сыновей...

3

– Князь! Князь! – слышалось. – Вставай!

Всеслав очнулся. И увидел, что он сидит в лодке. А лодка стоит возле берега. И уже совсем темно, день кончился. Что ж, кончился так кончился. Всеслав поднялся и вышел из лодки. Потом они втроем втащили ее на прибрежный песок. Постояли еще, помолчали. А нужно было сразу уходить, и Всеслав это знал, да вот ноги не шли. Странно это, подумал Всеслав, не к добру. Вдруг Ухватый сказал:

– Не бойся, князь! Бог не оставит.

Всеслав посмотрел на него и сердито спросил:

– Чего ты это вдруг?

– Так! Тень стоит.

– Тень? – будто удивился князь. – Какая? Где?

А сам похолодел...

– Тень! – тут же встрял Копыто. – Какая тень, когда кругом темно? Не слушай его, князь. Глуп он! Глуп! Глуп! – и засмеялся.

Да, и вправду смешно. Князь мотнул головой и сказал:

– Глуп! Это верно.

И развернулся, пошел вверх по тропке. Было совсем темно. И грязно! Князь поскользнулся раз, второй. Снизу слышалось:

– Князь! Погоди!

Но он их упредил:

– Не лезьте! Сам дойду!

И они не полезли, остались внизу. А наверху его уже заждались – в воротах горел свет и были видны сторожа. Увидели его и расступились. Всеслав прошел через ворота, на сторожей даже не глянул. Сторожа испуганно молчали. Они даже следом за ним не пошли, огня не понесли, так оробели. Теперь стоят, небось, и крестятся, гневно подумал Всеслав. И пусть себе! А ты, думал он дальше, теперь как злодей: и через двор – во тьме, и на крыльцо – во тьме. Заскрипели ступени. Скрипят – значит, жив.

А в тереме тихо, все спят. А если и не спят, то, значит, таятся. А вот зато раньше, подумал Всеслав, когда он возвращался от Хозяина... Так ведь не один он тогда возвращался! И не ночью, а при свете. В бубны били, плясали, кричали: «Кормилец наш! Заступник наш!» А теперь вон как здесь тихо! И совсем темно. Всеслав прошел наверх, остановился в гриднице. Снял полушубок, положил его на лавку. Меч отстегнул. И шапку снял, смял в кулаке. И тяжело, по-стариковски, сел за стол. Сводило спину – и он сел ровней, и спину понемногу отпустило. Так и сидел он за столом, прямой как жердь, держал в руке шапку, молчал.

Долго молчал! После вошел Игнат и терпеливо ждал – тоже немало. Вдруг князь сказал ему:

– А позови-ка мне Неклюда. И чтобы он при всем пришел!

– Так ночь уже.

– Я подожду!

Игнат ушел. Князь ждал. Мял шапку, мял, потом смахнул ее. Она мягко упала на пол. Тихо в тереме, даже Бережки не слышно. Отец в последний год очень любил молчать. Вот позовет тебя и скажет: «Сядь!» И ты сидишь. И молчишь вместе с ним. И вот темно уже, день кончился, а не вставай, нельзя. Отец все смотрит на тебя и смотрит... Страх тогда брал! Вот, думаешь, родной отец перед тобой, а страшно. Зачем он молчит? Но он так и не сказал, зачем. Он так и умер молча. Он только за три дня до... этого... сказал: «Не будь таким, как я. Не верь никому! И никому не обещай – ничего!». А больше ничего не говорил. Ну, только что

еще сказал: «Дай руку». А потом схоронили отца – по ромейским обрядам. Бабушка очень сердилась, кричала, но не послушали ее, снесли отца к Илье, отпели. Это потом уже, когда Илья сгорел, а был он одноверхий, деревянный, ты порешил, что это знак, и дал обет поставить храм из камня.

Шаги! Всеслав вскочил...

Но тут же их узнал и успокоился. Сел, приосанился. Вошел Неклюд, отдал поклон и замер. Был он помятый, заспанный. Моргал...

Зато потом, подумал князь, не проморгает! Когда пять лет тому назад латгаллу замиряли, так он, Неклюд, попался им в засаду, и окровавили его и понесли на капище, и стали его жечь их поганским священным огнем, а он, Неклюд, вдруг как засмеётся!..

– Ты подойди, Неклюд, – строго сказал Всеслав. – Нет, ближе стань. Совсем. Вот так...

И Всеслав замолчал, еще раз осмотрел Неклюда, собрался с духом... и сказал – чуть слышно:

– Так вот, Неклюд. Ты – убегай.

– Как это? – не понял Неклюд.

– Так! Коня возьми. И – к брату моему!

– К которому?

– Да к самому старшему! – гневно ответил Всеслав. – К Великому! В Берестье! А там...

Ты наклонись, Неклюд.

И стал шептать Неклюду на ухо. А после резко отстранился, долго смотрел дружиннику в глаза, после спросил:

– Запомнил?

– Да.

– Вот так ему и скажешь – слово в слово. Гони! А я тебя здесь не обижу. Вот крест! Но если что, Неклюд... Ты же меня знаешь! Да?

Неклюд молчал.

– Иди!

Неклюд ушел. Всеслав сидел, смотрел на дверь, прикидывал... Нет, правильно, думал, всё правильно! Со Святополка надо начинать, с Великого. А что Ярослав? Молод, горяч Ярослав Ярополчич. Такому разве что втолкуешь? Может, потом когда-нибудь поймет. Хотя трудно сказать! У всех одни глаза, и все одно и то же видят – но не видят. А посему идут и спотыкаются, и падают, и бьют их, головы им рубят. А рубят их такие же слепые! И всё это «Мир Божий» называется. Прости мя за сомнения... Но это ведь так!

Всеслав встал от стола и заходил по гриднице. Ночь, думал, тьма. И так и наша жизнь – тоже сплошная тьма. Но, говорят, познание – это лучина. Лучина – это свет, тепло. Страшно, зябко во тьме, неудобно. А ты, они говорят, тянись к свету, к познанию. И вот ты тянешься и тянешься. А как притронулся, сразу обжегся! И отшатнулся. А после опять. И опять! Так и мечешься всю жизнь между светом и тьмой. А что будет там, после смерти – свет или тьма? Молчит Она, не говорит, только зовет: «Иди! Там сам увидишь». А если ты уже ослеп, тогда как быть? Зачем тогда тебе свет? И вообще, кто ты такой? Червь? Червь и есть! Всю жизнь грешил – жег, грабил, убивал, обманывал – и дальше хочешь жить, цепляешься. А нужен ли ты здесь кому-нибудь? Удерживает тебя здесь кто-нибудь? Нет, конечно, никто! Всем ты здесь надоед, потому что зажился...

Как некогда зажился прадед твой Владимир Святославович. Он брата своего убил, всю Русь подмял, кровью залил, потом крестил. Грешил и каялся. А потом вновь грешил. Имел пять жен, двенадцать сыновей, своих и не своих. Любимых изгонял, а нелюбимых возвеличивал. Давал и отнимал – и вновь давал. В последний раз Борису дал Ростов, а Ярославу Новгород. Это своим сыновьям. А Святополка, своего племянника, сына убитого им брата, сперва в темницу заточил, а после при себе держал и жаловал. А после и совсем отъехал в Берестово,

ближнее село, а Святополк вместо него сел в Киеве. А Ярослав, озлясь, сказал, что если это так, то он тогда будет сам по себе, не станет Святополку кланяться, ибо Святополк ему никто – он не по чести сел, но по обману! И отложился Ярослав, призвал к себе варягов и сказал: «Пойду на Киев и Святополка ссажу, сам вместо него сяду, а отца поучу!» Владимир, как про такое узнал, разъярился. Ибо такого еще не было, чтобы сын отцу грозил!.. А тут еще одно известие: явились печенеги, и тоже идут к Киеву! Но Ярослав, он далеко, в болотах ильменских, а печенеги уже близко. И повелел Владимир: «Бейте печенегов!» И вышла в степь его дружина. Повел ее Борис, младший Владимиров сын, от ромейской принцессы. А Святополк, отродье Ярополково, приемный сын, в степь не пошел, отнекался, на хворь сослался... А сам, дрожа от нетерпения, сидел в великокняжеском тереме и ждал гонца из Берестова. Да и не он один – тогда весь Киев того ждал. Ведь знали все: слаб старый князь, вот-вот преставится. А дальше что? А дальше, это тоже знали, будет смута, ибо Бориса Святополк выше себя не посчитает, и стол великокняжеский ему не уступит. А если Борис станет говорить, что Святополк ему не старший, и что он вообще не от Владимира, то Святополк тогда ответит так: «Да, я не родной ему сын, а племянник. Но я зато сын Ярополка, которого наш дед князь Святослав, в болгары уходя, здесь посадил. А твой отец, Борис, на брата своего меч поднял – и убил его. Это великий грех! И чтобы замолить его, твой отец и вернул мне мою отчину». Вот что Борису скажет Святополк. Но это же только слова. А у Бориса сила! При нем же вся отцовская дружина. Поэтому как только отойдет Владимир, сойдутся Святополк с Борисом – и будет смута на Руси великая. Но если бы сошлись только они! Так есть еще и Ярослав – родной, а не приемный сын Владимиров, не то что Святополк. И так же этот Ярослав старше Бориса по рождению! И за Ярославом Новгород, варяжская дружина. И если Ярослав еще даже Владимиру грозил, то уж Борису да Святополку он ни за что ничего не уступит! Вот что тогда должно было начаться на Руси, вот каково наследие Владимир, князь креститель, по себе за земле на своей оставлял! Вот до чего он тогда...

А может, и не он? А может, это Бус тогда, как он Рогнеде обещал, завет свой исполнял? Ведь говорил же он, что еще выйдут на Владимира его же сыновья и будет ему смерть от них. И разве было не так? Вздрогнул Всеслав, открыл глаза, осмотрелся...

Но где это он, Господи? Ведь это же не его гридница! Душно, темно, лампадка чуть мигает... Да и совсем это не гридница! А что это?

А, вот ты где! И вот когда! Ох, занесло же тебя, князь! Да что уже теперь! Молчи! И не дыши! Ведь час-то, князь, какой!..

Ночь в Берестове. Тихо. Челядь за дверью ждет. А князь Владимир помирает. Великий князь. Вот уж воистину Великий: и печенегов воевал, и ляхов, и варягов, а на ромейского царя пошел – так и того укоротил и взял с него дары великие, и взял его сестру, и даже веру взял. И этой верой одолел кошунство, Русь окрестил – и покорилась Русь, и пал Перун, и мрак развеялся, и воссияли благодать и благолепие. Вот каковы были дела его! А вот теперь он помирает. И хоть бы кто завыл по нем, запричитал. Так нет – тишь, маета. Коптит свеча. Комар звенит... А лавка напротив пустая – бояре ушли. Они долго там сидели, ждали. Но он молчал – всё собирался с силами, не хотел, чтобы голос дрожал. После все же решился, спросил:

– Что Ярослав? Одумался? А Святополк, он здесь?

Но бояре молчали. Да они даже не смотрели в его сторону, они его не слышали. Больно стало Владимиру, горько... И эта горечь ему помогла! Привстал Владимир и сказал, как прежде – ясно, громко:

– Это она, отродье Бусово, накликала!

И как подкошенный упал. Пот на лбу выступил. Хотел спросить воды, да промолчал, ибо не просит князь, но только сам берет... Вот и ушли они, а он остался. Лежал, уже не шевелясь. Кровь застывала, тело отнималось. А голова была по-прежнему ясна. И дух был не сломен!

И думал Владимир: бил он Ярополка, бил ляхов, жег Полтеск. А теперь Новгород сожжет! Вот только он встанет...

Да вот только тебе уже не встать, Владимир. И к мечу не тянись, ибо ты его уже все равно не поднимешь. И ты теперь смешон, как некогда смешон был твой сын Изяслав, когда он тоже меч не удержал. А ты над ним тогда смеялся – тайно. Но и гордился им. И ненавидел его. И ведь было за что, ведь это какой грех – сын на отца меч поднял! И нужно было Изяслава поучить – тем же мечом. Но ты тогда подумал, что ты не рабынич, а князь, и сыну мстить не стал, а поступил, как ты верил, по-княжески. Молод был, поэтому и верил. Это уже только теперь ты понимаешь, что не мстил ты сыну своему единственно из-за гордыни, а гордыня князю не советчик. Гордыня – это хмель, гордыня – это хлеб глупцов. Вспомни, как Рогволод собой гордился, что он прогнал рабынича, честь сохранил! А голову он сохранил? А власть? А дочь свою? Глупец был Рогволод! И Ярополк был такой же глупец. Сперва предал отца, после младшего брата убил, а старшего прогнал за море... А после верил в то, что можно всё это забыть, Русь поделить и сесть – он в Киеве, а ты, Владимир, старший брат, любимый Святославов сын – на севере, в болотах. И был брат Ярополк убит – опять же за свою гордыню. Тех, кто его убил, примерно наказали. И воцарился мир. И правил ты, Владимир, старший сын, один всей отчиной. И Степь в страхе держал. И сыновей растил, своих и Ярополковых, и были они все тебе равны. А жен... Был грех! Была жена варяжская, была жена чехиня, была жена – но это даже не жена, а больше как вдова – ромейская черница Ярополкова... И была Горислава. Но Горислава – это только за глаза, а так она звалась Рогнедой. И на пирах только она сидела с тобой рядом, и только одну ее ты называл княгиней. А старший сын ее, смысленный Изяслав, был весь в тебя – и ликом, и нравом. Все говорили: вот и хорошо, есть у нас князь и есть княгиня, и есть княжич, тишь на Руси, покой...

И вдруг всё рухнуло – крестились! А было это так. Сперва ты поступил по-княжески – собрал силу великую, пошел в земли ромейские и одолел бояр ромейского царя, взял с них дары великие, и их самих полонил. И стали эти полоненные бояре тебе говорить: ты, князь, возьми еще и нашу веру, тогда наш царь тебе еще даров пришлет – бесчисленно, и еще даст тебе в жены свою сестру, царевну Анну. Смеялся ты и отвечал, что у тебя и без того есть жены. На что бояре, улыбаясь, говорили, что настоящая жена должна быть веры истинной, ромейской, и царской крови – и вот тогда уже и ты не просто дикий князь поганский, но становишься вровень царю! И еще много чего прочего тогда бояре говорили, не скупилась, и поминали бабушку твою, княгиню Ольгу, ромейским же царем крещеную. И слушал ты бояр... А в мыслях тоже поминал и бабушку, и брата Ярополка – когда его, убитого, на лавку положили, ты на груди его, на тоненьком шнурке, крестик увидал... и тотчас заслонил его рукой, чтобы другие не заметили. И, может, только от того потаенного крестика ты тогда в ромеях и крестился, ибо вовек ты крови Ярополковой простить себе не мог. А что слова боярские...

Ох-х, маета! Крестился князь Владимир в граде Корсуне и ромеев уже более не воевал – вернулся в Киев. Ромейский царь, возликовав, послал ему вдогон дары великие... а также и сестру свою, царевну Анну. Пока царевна ехала на Русь, низвергли идолов. Перун плыл по Днепру, кричал: «Вернусь – не пощажу!» Над ним смеялись. Шли берегом, и если он хотел пристать, кололи ему копьями в глаза, пинали его сапогами.

А князь Владимир выехал в Предславино, сельцо на речке Лыбеди, в летний княгининский дворец, к Рогнеде. Ох, не любил он Предславино! И было отчего: ведь там прежде Предслава, его мачеха, жила, и там Предславичи, Олег и Ярополк, родились и выросли. Там и Владимир возмужал. Но как! О Господи, прости ей, мачехе, и им, братьям, их гнев и их слова надменные. Ведь что ни день, то поминали: мать твоя, ключница – раба, а ты рабынич! И еще так: иди, иди, пожалуйся отцу, рабыничи – они всегда доносчики! Вот ты и молчал. А мачеха, надменная красавица, дочь короля угорского, губы кривила, щурилась. А братья твои сводные, уже входили в силу, отец уже уделы им сулил, а о тебе, рабыниче, даже и речи не было. И вдруг,

так, видно, Бог решил, Предслава умерла. Но братья твои сводные тогда вконец ума лишились – и стали говорить: это она, мать этого рабынича, нашу матушку-княгиню извела, околдовала! Да не они одни, а тогда все так кричали. А отец... Что отец?! Это он только в болгарях да в хазарах был грозен, а в Киеве перед волхвами робел. И матушку твою, невинную Малуш-ключницу, испытали водой и казнили. Потому что, сказали, Перун так пожелал! И вот уже тогда, еще до крестика на братовой груди, ты в первый раз в Перуне усомнился... Да только ни к чему теперь об этом вспоминать! Отец давно в земле, и братья. А ты на ромеев пошел – и ромеев побил. Теперь везут тебе жену царских кровей, дары везут, ромейского епископа. И едешь ты в Предславино уже не как кошун – ты христианин, и равен ты царю ромейскому, и пусть теперь только посмеет кто сказать, что ты сын ключницы, рабынича. Вот как было тогда! Вот о чем думал Владимир, пока ехал в Предславино. А приехал – рассказал Рогнеде всё, как было: и о крещении своем, и о дарах, и о царевне. Потом сказал, что оставляет он Рогнеде весь этот дворец и все эти службы, и что от сыновей, которых прижил с ней, не отрекается, что будут эти сыновья всегда при нем, как он был при отце...

И поперхнулся, замолчал. И посмотрел на Рогнеду. Но не заплакала она, и не закричала, а только побелела и спросила:

– Так что, теперь мои дети будут такие же как ты рабыничи?

Владимир помертвел, ответил:

– От судьбы не уйдешь, Горислава.

Горислава! Зачем так сказал? Сам не знал – сорвалось. А она сразу р-раз! – и выхватила нож из рукава! И еще – р-раз!..

Но тут Бог сохранил! Потому что будь он тогда без креста – так и убила бы! А так нож по кресту скользнул и вышел мимо. Оттолкнул он ее, закричал:

– У, роговожина! Змея! – и ударил ее со всех сил.

Она упала и лежит, не шелохнется. А он вскочил, сказал:

– Не жить тебе! Готовься! – и ушел.

Потом опять пришел – но уже не один, а с боярами. А она сидит на ложе, ждет. На ней длиннополая летняя шуба из драгоценных белых соболей, на голове убрус, расшитый жемчугами, изумрудные колты в ушах. Губы поджаты. Веки чуть дрожат. Вот как она тогда оделась – как невеста! И оробели все. Всем сразу Полтеск вспомнился, пожар. Стоят они, молчат. А она улыбается. Вот-вот – и засмеется она, захохочет! Владимир долго стоял, не решался, а после все-таки сказал – не своим голосом:

– Молись! Твой час пришел.

А она опять молчит. И смотрит пристально. В ее глазах нет ничего, они пустые, как у Смерти... Потом вдруг говорит она:

– Молиться? А кому? Ты всех богов моих поверг. А этому, которого ты в Корсуне купил...

– Молчи! – он закричал.

И она замолчала. Владимир на бояр оборотился. И видит – они все глаза опускают. Все они крещеные, покорные... Но ведь же чует он: у каждого из них в душе сомнение! И слабая поганская надежда – а вдруг она и впрямь ведунья, вдруг призовет она сейчас...

И закричал Владимир:

– Меч! Дайте же мне меч!

Но никто тогда даже не шелохнулся. Еще бы! Им страшно! Ибо одно давать меч на поход, на сечу, а тут – это совсем иное. Да и потом, все они думают, у князя есть свой меч, так почему же он своим рубить не хочет? Чтобы потом сказать: «Не я это, а ты! Зачем ты мне его давал?!»

И вдруг...

Выходит Изяслав! Он держит меч – большой, ему такой не по руке. Вот встал он перед матерью и заслонил ее. Владимир к нему руку протянул, велел:

– Сын! Дай мне меч!

Но Изяслав даже не шелохнулся, стоит и смотрит исподлобья. А меч тяжел, дрожит в его руке, вот-вот не сдюжит княжич Изяслав, ведь слаб еще...

И тут, ох, жарко князю стало! Ох, гадко! Ведь же когда Предслава умерла и на Малушу стали говорить, то ни отец его, прехрабрый Святослав, ни гриди, ни бояре, ни даже он сам, Владимир, – никто тогда за мать не заступился! А тут, подумалось, смотри, вот как оно воистину по-княжески! И не сдержался Владимир, и бросился к сыну. Схватил, прижал его к груди, стал целовать и приговаривать: «Сын! Сын!» Слезы текли, все это видели – пусть видят. Да, плачет грозный князь. Но сын, это ведь сын!

И сын тоже не выдержал, руку разжал. Меч брякнул об пол. Бояре зашумели вразнобой: – Князь! Князь! Хвала!..

Но он их уже не слышал – шел по дворцу, нес сына на руках, шептал что-то – а что, теперь уже не помнит.

Потом они уехали, вернулись в Киев. А вскоре прибыла ромейская царевна Анна. Владимир вывел сыновей – своих и Ярополковых. Царевна приняла их всех, сказала: это наши дети. И промолчали, покорились сыновья. И отреклись от кровных матерей своих. Ибо отец им посулил: Вышеславу, как старшему, Новгород, а Изяславу, любимому, Полтеск, а Святополку – Туров, а Ярославу – Ростов. И потом свое слово сдержал: как подрастали сыновья, так и разъезжались и садились по своим уделам. Тишь была на Руси, благодать. И Владимир был рад. Но чему? Кого он вырастил? Слаб человек; единожды предав, уже не остановишься. Вот и идут они теперь на своего отца с варягами да печенегами. Жди, князь, сбывается пророчество: от сыновей своих ты примешь смерть, как Бус когда-то предсказал!..

Но, слава Богу, не успели сыновья – отец раньше преставился. Лежал, держал в руках распятие, шептал – но что, никто уже не слышал. Да и зачем им было это слышать? Он же не им шептал, а Ей. А Она услышала – Она всегда все слышит! – пришла и забрала его, в свой срок, от сыновей грех отвела. Лучина догорела. Тьма...

Тьма! Подскочил Всеслав, глаза протер... Но тьма не разошлась. Один он в гриднице, ночь на дворе. Значит, заснул. А что! Устал – ведь какой день был хлопотный: охота, пир...

Нет, князь, тут же подумал он, не лги себе! Какой же это сон? А это ты опять неведомо где рыскал. Ох, грех это! Ведь ночью нужно спать. Все, у кого душа чиста... Да нет – все спят, и с чистой, и с черной душой. И только у кого души нет вовсе, ушла душа и только свою тень оставила... вот только тот и может так, как ты! Всеслав нахмурился, прислушался. Ни шороха! Значит, подумал он, и вправду все спят. Должно быть, уже полночь. А ты не спишь, Всеслав! Так, тоже полночь, и дед твой прежде здесь же сиживал, любимый сын Владимиров, смышленный Изяслав. А до чего он был смышлен – просто на удивление! Ибо как быстро он, отбросив всякий стыд, успел сообразить, что при отце куда надежнее и сытнее. А мать... Что мать?! Она ведь была некрещеная. Вот и пусть ее бросают на телегу, и пусть ее везут, простоволосую, в одной рубахе, будто ведьму, – а ты, сынок, молчи. Вот брат твой Ярослав молчит, и Судислав молчит – она им тоже мать, а вот молчат. А ты, смышленный Изяслав, молчи вдвойне. Ты же, помнишь, поднял меч – и на кого?! А он тебя простил, он поступил по-княжески. И ты ему как сыном был, так сыном и остался. И получил удел – как все. Нет, даже более – взял земли рогволожи, дедовы, сел в Полтеске. А мать? Все говорят, отец ее помиловал. Мать после прозрела, крестилась. И, говорят, она и по сей день живет где-то затворницей, Христовой невестой. А имя ей дано Анастасия. И, значит, чинно все, по-божески... Вот как думал тогда, вот как утешал себя князь Изяслав Владимирович Полтеский. Он был отцелюбив и кроток. И также и отец его любил, перед другими жаловал. А срок пришел – женили Изяслава. И было у него двое сыновей, Всеслав и Брячислав, и была жена-красавица, дочь Менеска, дреговичского князя. Сна только не было у князя Изяслава! И оттого он, говорят, очень книги любил. Бывало, в гриднице сидит до самого утра, читает, думает. Здесь же ночью он потом и умер.

Двадцать два года он даже не прожил... А всё-таки в свой срок ушел! Потому что если бы он жив остался, так тоже бы не поклонился Святополку, пошел на Киев... И вот тогда всё на него, на Изяслава, и свалили бы! Сказали бы: он сызмальства такой, чуть что – сразу за меч! А так он тихо умер, все братья к нему в Полтеск съехались, приехал и великий князь Владимир, был скорбный стол, и поминали деда твоего одним только добром. Вот как оно бывает, если уходишь в срок, пусть даже в очень ранний. А ты, Всеслав, уже за семьдесят перевалил, а все цепляешься. Негоже! Вздохнул Всеслав, встал от стола...

И вздрогнул – тень в углу! Кто-то стоит возле двери...

Нет, это не Она! Ее никто не видит. И все-таки... Свят! Свят! Всеслав перекрестился.

И едва слышно спросил:

– Ты... кто?

– Да что ты, князь?! – громко сказал Игнат. – Спать надо бы!

И это и был Игнат! Ух, чтоб его! Всеслав махнул рукой, сказал:

– Иди! Занянчил, будто малого!

Игнат ушел. И князь ушел – к себе. Лег. Отче наш, да что это со мной, сразу подумалось. Вот, день прошел, и что? День – как вся жизнь. Кто по дорогам ходит, кто по тропам, а кто по буеракам – но тоже все равно вперед. А я куда иду? Кружу, кружу – не вырваться. Пресвятый Боже! Слеп я! Червь я!.. Но мне еще шесть дней осталось! Дай мне из круга вырваться, дай шаг ступить – всего один! А далее – Твой раб навеки, Отче! И князь шептал, крестился и опять шептал. А после будто провалился в бездну!..

Но это он просто заснул.

День второй

1

Всеслав открыл глаза и удивился – он жив! И голова у него была ясная, и руки-ноги целые. Значит, Она его не обманула, подумал Всеслав, Она слово держит. А за окном уже рассвет. Сегодня пятница, большой торговый день. Суеты будет много. Но это у них! Подумав так, Всеслав поднялся и начал не спеша одеваться. После так же не спеша прошел к божнице и опустился перед ней на колени. И начал молиться: поклоны клал, шептал – но получалось без души, заученно. Отец, вспомнил Всеслав, насупившись, если такое замечал, всегда его корил, а то даже и грозил. Зато бабушка, наоборот, всегда смеялась, говорила:

– Да оставь ты его, не наша это вера. Крест носит, что тебе еще?

Отец с ней не спорил, молчал. Еще бы! Бабушку сам Ярослав боялся. Ну, если не боялся, так чтит. Да и не он один! А злые люди говорили, будто она ведьма! Только какая она была ведьма? Пресвятый Боже, ты же все знаешь! Она осталась в двадцать лет вдовой с двумя младенцами. Муж умер, свекор приезжал его могилке поклониться. Тогда и братья мужнины тоже все до единого приехали. Говорили братья добрые слова, и свекор добр был и подтверждал, что Полтеск остается полочанам. И внуков к себе на колени усаживал, одаривал богатыми дарами и ласкал. И внуки к деду льнули...

А после все разъехались. И было тихо до зимы. Потом приехал из Киева боярин. Шлягом его звали. Этот Шляг приехал не один, а с немалой дружиной. Никаких даров он не привез, но за столом куражился: того не ел, этого не пил, губы кривил, а о деле совсем не обмолвился. А только от стола – и сразу лег, и почивал до вечера. Только уже вечером сказал:

– Вот что, Сбыслава! Великий князь тебя не забывает, радеет о тебе, о твоей доле вдовьей и о твоих сыновьях. Но и своих сыновей он тоже не забывает. Ты поняла меня?

А бабушка молчит. Вот, после говорили, ведьма! А что ей тогда было отвечать, когда она была одна с двумя младенцами, а Шляг пришел с дружиной? И этот Шляг ей говорил, что, мол, негоже ей уже в такие молодые годы вековать одной, без мужа, да и Полтеску негоже оставаться без князя. А тут есть такой обычай: если какой хозяин умер, то его брат потом берет его вдову и сыновей его. И таким братом будет Вячеслав, он приезжал сюда, ты его знаешь. Он и умен, он и собой хорош. Согласна ли?

А бабушка опять молчит. Тот Вячеслав был Изяславу сводный, младший брат, ему в тот год исполнилось семнадцать, вот старый князь Владимир и решил, что пора Вячеслава женить, пора ему землю давать. А в Полтеске будут ему и жена, и земля. Как хорошо все сладится, думал Владимир.

И бабушка молчала, думала. Долго она тогда думала! Шляг после говорил, будто она еще шептала что-то на огонь и от этого шептания он, Шляг, и разомлел... А тут она вдруг сказала:

– Что ж, видно такова моя судьба. Пусть приезжает Вячеслав, приму его. Но только через семь недель! Я раньше не управлюсь.

На том они и порешили, Шляг уехал. Никто тогда и в мыслях ничего такого не держал.

Но ровно через семь недель всё и открылось! Явился Вячеслав, с ним Вышеслав и Ярослав, братья его, и все они с дружинами – для верности. И не узнали они Полтеска! Еще бы! Ибо вот новый частокол, вот стены подновлённые, на стенах стоят полочане, а с ними литва, из луков целятся, кричат: не подходи, убьем! Да как это «убьем», кричат братья в ответ, мы братья Изяславовы, мы Вячеслава привели, Вячеслав берет Сбыславу за себя! А им тогда со стен такое: Сбыслава передумала, не хочет она за него выходить, а хочет вековать одна, и вече стало за нее и против Вячеслава!

Братья разгневались: какое еще вече?! Да не бывать тому, чтобы подлый градский люд князьям указывал! Так и Сбыславе больше не бывать на Полтеске! И вывели они свои дружины, повели их на приступ...

И отступили, не взяли! Потом еще три раза подступали, и всякий раз тоже напрасно. Потом, уже один и без дружины, ходил к воротам Вячеслав и поначалу кричал и грозил. А после, поостыв, уже только просил, чтобы допустили его до Сбыславы, ему есть что ей сказать... Но не открыли ему, и он ушел ни с чем. Назавтра также приходил и уходил князь новгородский Вышеслав. Тогда, уже на третий день, пошел ростовский – Ярослав.

Ярославу открыли. Потому что только один Ярослав был Изяславу брат по матери и, значит, рогволожий внук, свой, полочанин, тогда как Вячеслав был рожден от чехини, а Вышеслав от варяжской жены. От Вышеслава, кстати, всё и началось – это когда еще пришел Добрыня и начал сватать за Владимира Рогнеду, то разъярился Рогволод, кричал: «Да что они, находники, совсем ума лишились?! Владимир ведь и так давно женат и есть у него сын...»

Да только что нам Вышеслав! О Ярославе мы. Вот Ярослав явился в Полтеск. Вот провели его в княжеский терем, к Сбыславе, там посадили его у окошка, вывели к нему его племянников, они еще только ходить научились, и только потом вышла к нему...

Ведьма, шептали после, ведьма! Как обошла она его тогда, чем оплела – никто об этом ничего не знал. Но только вышел от нее князь Ярослав белый как снег. Полочане у него спросили:

– Быть вечу?

– Быть! – сказал он.

Тотчас ударили в Зовун. Собрался люд. Вышел к ним Ярослав, стал с ними говорить. А что Сбыслава, Изяславов вдова? А ничего. Она тогда на площадь не ходила, сидела, затворившись в тереме, и нянчила своих малых детей, Всеслава и Брячислава. Ее звали на вече, она не пошла. Сказала: град Полтеск не мое дитя, а Бусово, вот пусть Бус за него и радеет.

Бус порадел тогда, не выдал: как вече настояло, и как Ярослав уступил, так и было – целовали они крест на том, что Полтеск хоть и кланяется Киеву, и чтит его, и ежегодно платит ему выход, но сядет здесь не Вячеслав, а Изяславов сын Всеслав, племянник Ярослава, внук Владимира. Об этом написали уговор и запечатали ее двумя печатями: князь Ярослав своей, а это сокол Рюриков, а Полтеск своей, это Ярила на коне. И на том разошлись. А назавтра уехали братья и увели свои дружины. Ярослав поехал в Киев. Приехал, и Владимир гневался, три дня его к себе не допускал... а после все же допустил и выслушал. А после даже принял уговор. Почему было так? Может, просто потому, что не захотел он во второй раз жечь Полтеск, грех на душу брать не желал... А по Киеву тогда кричали: ведьма, ведьма, оплела она его, околдовала, вот что! А Вячеслав, отвергнутый жених, озлясь, ушел в Царьград со всей своей дружиной, пять лет служил в ромейском войске, после сгинул. И Вышеслава Бог вскоре прибрал. А Ярослав по его смерти с Ростова поднялся на Новгород. А Борис за Ярославом сел в Ростове, а Глеб после Бориса в Муроме. А Святополк, тогда еще не Окаянный, сидел в Турове, а Святослав у древлян, Всеволод на Волыни, Мстислав в Тмутаракани. А после Судиславу дали Плесков, теперь это Псков. А Позвизд умер без удела, еще в совсем юных летах. А после умер Всеволод, и Святополк, стакнувшись с польским Болеславом, прибрал себе Волынь. Взъярился старый князь, разгневался, пошел на пасынка... но отступил, ибо не сдюжил Болеслава. А тот пришел и порубил мечом ворота, меч защербил, но и ворота отворил!.. Нет, это было после, когда Владимир уже умер и смута шла уже не первый год, и Ярослав взял Киев, а Святополк во второй раз вёл ляхов, и были ляхи злы, много чего тогда пожгли, пограбили... А в первый раз всё мирно обошлось, и Святополк сел в Киеве, Владимир, его силы устрашась, отъехал в Берестово, ближе село, и там затаился. А Ярослав и в первый раз таиться не желал – он Святополковым послам велел отрезать языки и объявил, что он теперь сам по себе, а Киев ему не указ! И Судислава, младшего рогнедича, взял с собой заодно. Был робок Судислав, во всем

он Ярослава слушал. А брат Мстислав молчал и Святополковых послов не возвращал, ни «да» ни «нет» не говорил. Шаталась Русь!

А Полтеск ежегодно платил выход и принимал послов и клялся в верности. По смерти старшего из Изяславичей, Всеслава, там сидел младший, Брячислав, но из-за его малых лет всем заправляла его мать, Сбыслава. Была она высокая, сухая, черноволосая. Она и умерла такая же, ничуть не поседев. Но это еще очень нескоро случится! А тогда она была молода и красива. Умна, скрытна. А до чего хитра! Свёкра умаслила – да так, что стала у него самой любимой невесткой. Носила шубу белых соболей – ту самую, Рогнедину, – пиры давала, сирых ублажала. И верой люд свой не неволила: хочешь, молись Христу, а хочешь – Яриле, Перуну. Но помни: князь твой господин, и чти его. И старших чти. Не лги, не укради, законы соблюдай. Пресвятый Боже, разве это ведьма? Ведь что есть ведьма? Зло. А она зла никому не творила. Она любила мужа и растила сыновей, народ при ней жил вольно, не роптал. Зовун, и тот при ней молчал. Да, она в церковь не ходила, это правда. Но когда умер старый князь и брат восстал на брата, Полтеск молчал, потому что она так велела. А были ведь к ней гонцы и от одних, и от других. Это потом уже...

Потом! Князь встал. Лик на божнице черен, не рассмотришь. Бог далеко, а Смерть всегда близка... Это у них близка, тут же подумал он, а у него Она и совсем за спиной. Вот и мечись теперь, спеши – а руки как колотит! Всё из них валится. Здесь не успел, там просмотрел. Неклюд уже довольно проскакал, Берестье уже близко... А если перехватит его кто? А если не поверит Святополк тому, что он ему скажет?

Но только что тебе до этого, Всеслав?! Тебе всего шесть дней осталось. Ты хоть здесь, у себя разберись, а на Руси пусть они сами разбираются. Пусть делят отчины, съезжаются, глаза один другому вынимают, воюют, снова мирятся. Убьют, потом в святые возведут, опять убьют. А Полтеск как стоял, так и стоит...

Шум за стеной! Всеслав прислушался... Ага! Это Игнат уже собрал на стол. Так и пора уже! Князь вышел в гридницу, там никого, даже Игната не было. Как тараканы, сердито подумал Всеслав, все уже по щелям! Ну да и ладно, подумал он уже почти равнодушно, и сел к столу. Стол был уже накрыт. Накрыт, насмешливо подумал он, квас да блины с икрой! Икра как лягушачья, мелкая! Он ел и гневался. Вошел Игнат, встал у стены. Всеслав ел дальше. Дергалась щека. После щека унялась. Да и гнев как будто весь вышел. Всеслав поел, оставил миску, широко утерся и спросил:

– Что слышно?

– Тихо, – ответил Игнат. И вдруг еще добавил: – Совсем тихо!

– Как это? – не понял Всеслав.

– А так! Торг пуст.

– Что?! – изумился Всеслав. – Сегодня же пятница! Да что это они?!

– Не знаю! – зло сказал Игнат. – Нет никого, и всё.

– Ну, это... Нет!

Князь резко встал и заходил по гриднице. Давно такого не было, сердито думал он, давно! После остановился, посмотрел на Игната, спросил:

– А сразу почему молчал?

– Так я и сам только узнал! – тоже сердито ответил Игнат. – Пока ты ел, Батура приходил. Он и сказал.

– Позвать его!

Игнат ушел, ходил недолго, и привел Батуру. Князь встретил его, сидя за столом. Строго сказал:

– Ну, слушаю. Давай, как на духу!

Батура криво ухмыльнулся, помолчал, только потом ответил:

– Так никого там нет. Чего и говорить?

– А то и говори. Нет торга. Почему?

– Так повелели.

– Кто?

– Сотские! – как будто даже с радостью сказал Батура. – Народ стал прибывать на торг, а тут они сказали: не бывать. Ну, не бывать, так не бывать, и ладно. Да и народу-то не так и много было. Ждут все.

– Чего?

Батура смутился, сказал с неохотой:

– Так ведь видение...

– Видение? Какое?

Изветчик молчал. И в глаза не смотрел.

– Ну! – грозно сказал князь.

Но Батура только еще ниже склонил голову. Тогда князь встал...

– Князь! Пощади! – крикнул Батура – Ведь ты же сам всё видел, князь!

И пал перед ним на колени. Князь быстро оглянулся на Игната. Тот опустил глаза. Ого, подумал князь, видение! Они это любят – как малые дети! Да нет – как муравьи: копаются, спешат куда-то, что-то тащат. Тень упадет на них – и они сразу замерли. И всякий мнит – Он смотрит на меня, Он только одного меня и видит, Он подает мне знак... Глупцы! Князь улыбнулся и сказал:

– Видение? Какое? Да говори, не бойся ты! Я же в это всё не верю. Ну, что молчишь?

Батура не ответил. Уткнулся головой в пол, замер. Князь снова глянул на Игната. Глаза их встретились... И князь с неприятным удивлением подумал, что этот Игнат здесь, в тереме, уже лет сорок, может, даже больше, но таких глаз – больших, пустых, напуганных – у него никогда еще не было! И губы у Игната белые, и лоб в испарине. Всё, значит, знает, да молчит!

– Так, – сказал князь. – Так. Хорошо. Батура, ты иди.

Батура встал и спешно вышел. А Игнат не успел! Потому что Всеслав ему грозно сказал:

– А ты постой пока!

Игнат остановился.

– Нет, подойди, – и князь нахмурился. – Сядь... Да не бойся ты! Одни ведь мы... Вот так. Рассказывай.

Игнат молчал. Князь пригрозил:

– Игнат!

Игнат вздохнул, сказал:

– Смерть люди видели.

– Смерть? – будто удивился князь.

– Да, – нехотя кивнул Игнат. – Над теремом. Сегодня ночью. И была Она в белом саване, и с косой. К тебе Она пришла! Вот люди и скорбят. Решили, что ты умер.

– Но я ведь жив, Игнат! – очень сердито сказал князь. – Ведь так?

Игнат молчал. Князь, подождав, спросил:

– Так что мне, показаться им? Пусть видят – вот он, князь!

– Но... Смерть была! Ее все видели...

– А я?

– А ты... – Игнат насутился. – Ты, князь, такой, что мало ли... Может, душа твоя уже ушла, а тело еще здесь! Так люди скажут.

Скажут! Это верно. Князь встал и посмотрел в окно. Там, далеко, у пристани, и вправду было непривычно пусто. Плоты качались на воде, ладьи. А берег был пуст. Ждут, значит, они, не дождутся... И князь опасливо спросил:

– Кто видел Смерть? Когда?

– Так уже полночь, – почти спокойно, даже как-то по-деловому ответил Игнат. – Вначале было как всегда, темно. Потом вдруг небо просветлело. И тут уже увидели – стоит Она над теремом, а ветер саван треплет! Свят, свят!

Игнат перекрестился. Князь облизал пересохшие губы, спросил:

– Ты крещеный, Игнат?

– Князь!..

– Да, князь я! И крещеный, – зло перебил Всеслав. – А ты... Не знаю я, сомнения берут! Вот ты в храм ходишь, там поклоны бьешь, Писание там слушаешь. А слышишь ли?!

– Я...

– Помолчи пока! Так вот, Писание там слушаешь. Ну а слышал ли ты в Писании про Смерть? И чтобы Она была при саване, с косой.

– Н-нет, так я не слышал...

– И не услышишь! – усмехнулся князь. – Нет Смерти той, которую вы будто видели. Все это суеверие. Поганство! Навь. Есть Смерть только одна – по-христиански. Понял? Душа покинула тебя, ты охладел – и все. Вот это Смерть. А после – Суд. Но это уже Там, не на земле. А Смерть с косой, гундосая...

И тут князь даже головой мотнул и засмеялся. После подал Игнату руку и сказал:

– Пощупай. Теплая? Живая? То-то же. И я без рогов, без копыт. И крест на мне – вот, посмотри. Доволен, да?

Игнат кивнул.

– Тогда вставай!

Игнат послушно встал.

– Так, – сказал князь задумчиво. – Значит, так... Посадника – ко мне, владыку – ко мне, сотских – ко мне, старост – ко мне! К обеду жду, не поскуплюсь. Иди, распорядись.

– Но если, князь...

– Иди! И не гневи меня, Игнат. И им также скажи, чтоб не гневил!

Игнат ушел. Князь посидел еще, подумал, а после встал, смел крошки со стола и подошел к печи. Тихо позвал:

– Бережко!

Зашуршало. Значит, подумал князь, жив. Наклонился и сыпнул под печь. Потом еще сыпнул. Захрумкало. Так, хорошо, подумал князь и улыбнулся, а вот если бы не брал, вот если бы выл, вот тогда это плохо, страшишь. Да и то: чего страшиться? Мы Бусово племя, чужого не ищем. Этот терем поставил Микула, и наследовал Микуле его сын Глеб, Глебу наследовал его племянник Володарь, Володарю – его внук Рогволод, Рогволоду – муж дочери его Владимир, Владимиру наследовал сын его Изяслав, Изяславу – сын его Всеслав, Всеславу – брат его Брячислав, Брячиславу наследовал я, а мне наследует...

И князь нахмурился. Да, подумал, и вправду, а кто тебе наследует, Всеслав? И сколько их, сыновей, у тебя – четверо? Или, если руку на сердце, то пятеро? Да, пятеро. Старший, Давыд, – в Витьбеске, а Глеб, любимый, – в Менске, а Борис – в Друцке, Ростислав – в Кукейне. А самый младший, Святослав, он где? Пять лет уже прошло, как нет о нем вестей. Никаких! Да и Святослав ли он? Потому что это ты его так называл – Святослав. А сам он называл себя Георгием. И ведь Георгий – это правильно, так по крещению. И он ушел Георгием, пешком, меча и то не взял. Сказал:

– Не обессудь, отец. Не мое это всё, не хочу.

И ушел. Как в старину было говорено: встану я, не благословясь, пойду, не перекрестясь, и не воротами, а песьим лазом, тараканьею стежкой, подвальным бревном... Прости мя, Господи, не удержал я сына младшего. Да и не мог я удержать его, не смел. Он от рождения был мне в упрек, на нем мой грех, мое вдовство. Не Святослав он, а Георгий, нет Святославов в святцах, есть только Георгии.

А сам ты кто: Всеслав или Феодор? Как князь – Всеслав, как Божий раб – Феодор. А прадед твой Владимир звался по крещению Василий. И было у него двенадцать сыновей, правда, не все до смуты дожили. Тем, кто не дожил, им легко. А прочие...

Нет, лучше дочерей растить! Но дочерей тебе Бог вовсе не дал. Вот сыновей родилось семеро, а возмужали пятеро, потом один ушел, осталось четверо, и те по уделам сидят, в Полтеск к тебе не кажутся, у каждого своя обида. И если кто и помнит что хорошее, так это только одна Глебова. А что! Никто к отцу на Пасху не явился, всем было некогда, и только Глебова пусть не сама приехала, но был же от нее гонец с подарками. Подарки, правда, сущая безделица, и все-таки...

Бог не дал дочерей! За что?! Встал князь, вновь посмотрел в окно. Тишь, пустота. И это хорошо... А почему? Совсем ты одичал, сидишь один, как сыч, всех сторонись. Вот все и ждут, когда ты наконец помрешь. Так выйди и скажи: «Недолго вам терпеть! Шесть дней всего!» Ну, выйди, князь! Так ведь не выйдешь, оробеешь. Тогда сиди и жди, когда Она придет. Жди, князь!

И он ушел к себе. И там сидел и не смотрел уже в окно, а только слушал. Зашумели внизу, загремели. Должно быть, на поварне шум, подумалось. Да, на поварне. Готовят стол! И то: посадник будет, сотские, владыка. Давно пиров здесь не было. На Рождество и то велел не принимать. Хворал. И не хотел – все опостытели. Сказал тогда: свое отпировал. Зажился ты, ох как зажился! И Изяслав давно ушел, и Святослав, и Всеволод – отродье Ингигердино, змееныши... Ну, Изяслав да Всеволод тогда, при Рше, молчали, всё это Святослав устроил – крест целовал, послал к тебе гонца, и ты словам его поверил, взял сыновей, Давыда с Глебом, сели в лодку, переплыли через Днепр. Давыд двенадцати годов, а Глеб семи. Жара была, ты снял шелом. Так и явился к ним, к змеенышам, в шатер, шелом держа в руке. И ты еще успел сказать:

– Вот, братья, я пришел...

Так вот сам бы и шел! А сыновей зачем с собой брал? Что, думал, сыновья тебя спасут, укроют, как щит? О нет, Всеслав! Не так люди устроены, особенно князья. Да и тебе ли это объяснять – ты сам же князь. Ты помнишь, что отец тебе рассказывал...

А он, отец твой Брячислав, когда пришла большая смута, в нее не полез. Он только смотрел со стороны, из Полтеска, как его кровные дядья рядились да рубились, Степь брат на брата наводили, сонных резали. В день смерти старого Владимира их на Руси сидело семеро, а после стало быстро убывать. Первым зарезали Бориса, после – Глеба. А после Святослав пал в битве против Святополка. Святополк, убив брата, опять подался в ляхи, к Болеславу. Да не дошел, умер от ран в Берестье. Вот и осталось от Владимира всего три сына: Ярослав, Мстислав и Судислав. Мстислав был далеко, в Тмутаракани, а Судислав, и прежде робкий, тогда совсем притих. И Ярослав сел в Киеве. И рассудил, кто был в прошедшей смуте прав, а кто нет. И вот с того его суда и повелось скорбеть о Борисе и Глебе, а Святополка проклинать и называть Окаянным. Тогда же и явился слух, что в Берестье он не умирал, а что наша земля его не приняла, и побежал он далее, никем уже не погоняемый, вселился в него бес, ослеп он и оглох, члены его расслабились, и упал он с коня и убили. И будто по сей день в пустыне меж Ляхи и Чехи стоит его могила – смрадный курган, полынь-травой поросший...

Но было это так или не так, кто знает! Зато все точно знали то, что как только не стало Святополка, так сразу тихо стало на Руси. Или, может, стало тихо от того, что уже и шуметь было некому? Ведь всех же Ярослав тогда подмял! И это хорошо, учила отца бабушка. Ибо не будь его тогда, когда являлся Вячеслав и сватался, ссадили бы нас с Полтеска, вот что она говорила. И добавляла: чти дядю! Брячислав так и сделал: собрав дары, послал ладьи на Киев. Зима пришла, лед стал, ладьи не возвратились. Странно!

А по весне из Киева пришли варяги. Привел их Эймунд, ярл. Отец не звал их, звать не соби́рался и вообще он не хотел знаться с варягами. Поэтому он, встретив их на пристани, сказал:

– Зачем вы мне?!

Эймунд ответил:

– Пригодимся. И очень скоро, князь! – и рассмеялся.

Был этот ярл высокий, кряжистый, беловолосый, белобровый – совсем как Трувор. Это не к добру. Отец сказал:

– Езжайте дальше, я вас не держу. А хотите, я вас одарю, только скорей езжайте!

Но ярл сказал:

– Нет, я даров от тебя не возьму. Я буду тебе так служить, без платы. Это так будет потому, что твой дядя Ярислейф – мой враг.

И приказал своим дружинникам сходить на берег. Они сошли. Тогда отец сказал:

– Пусть так. Но ты мне не слуга, а гость. Мой дом – твой дом!

Он не хотел вражды. Он думал, что они немного погостят и уберутся. Вот он и повел их на Верх. Там был богатый пир. На нем варяги быстро захмелели и стали петь свои дикие песни. А иные из них уже повставали из-за столов и принялись похваляться своей храбростью. Тогда осерчали полочане, да и сам князь уже начал подумывать о том, что никогда не бывает добра от варягов, прав был Володша, резать их надо...

Но тут ярл Эймунд вдруг сказал:

– Князь, не сердись на них, это простые воины. Ты накормил их, напоил, и я тебе благодарен за это. И они благодарны, поверь, и они не забудут твоей щедрости. Но сейчас они сильно пьяны и уже ничего не смыслят, им не до учтивых слов. Если хочешь, я их прогоню.

Отец кивнул. Эймунд встал и крикнул им по-своему. Они сразу притихли, встали и послушно вышли вон. Тогда Эймунд сказал:

– А теперь пусть и твои люди тоже уйдут. Мы будем говорить с тобой, князь, об очень серьезных делах. Таким делам чужие уши не нужны.

Князь повелел – и полочане тоже вышли. Эймунд нахмурился, сказал:

– Теперь пусть уберут и это!

Князь еще раз повелел – и убрали со столов. Свет пригасили. Выгнали собак. Стало темно и тихо. Эймунд сказал:

– Вот так-то оно лучше, князь. Зачем нам крик и свет? Ведь мы же не женщины! – и засмеялся. А после продолжил так:

– А Ярислейф совсем обабился. Скупой стал, подозрительный. Не верит никому. Мы от него ушли. К тебе.

– Зачем?

– Чтобы защитить тебя от Ярислейфа.

– Но он мне не грозит.

– Будет грозить. И очень скоро, князь. Мало того, он скоро сам сюда придет. Вот тогда мы с ним и посчитаемся. За всё!

– Да что ты такое говоришь?! – рассердился отец. – Не может того быть, чтобы мой дядя пошел на меня!

– Всё может, князь! – уверенно ответил Эймунд. – Но для того чтобы подробно объяснить, что здесь к чему, я буду должен говорить достаточно долго. Готов ты к этому?

– Готов.

Ярл пристально посмотрел на отца и сказал:

– Ну что ж, тогда слушай. Итак, у Ярислейфа был отец – князь Вольдемар. Ваши льстецы именовали его Красным Солнцем. Он всех вас окрестил и всех вот так держал! Но это было уже после. А поначалу Вольдемар был никем. Брат Ерропольк прогнал его от вас, и он прибежал

к нам. У нас он говорил: «Тот, кто пойдет со мной обратно через море, будет иметь богатую добычу, потому что я, князь и сын князя, приведу вас прямо к нашей княжеской казне!» И наши люди ему верили. И Вольдемар очень быстро набрал в наших краях большую и надежную дружину. В ней было немало очень достойных и славных воинов, в ней были и мои дядья. И что? Никто из них не вернулся обратно. А почему?

Отец молчал. Эймунд обиделся, сказал:

– Если не хочешь отвечать, тогда слушай дальше! Итак, когда мои сородичи добыли Вольдемару Киев...

– Но прежде Полтеск! – перебил его отец очень сердито.

– Да, прежде Полтеск, – согласился Эймунд. – И здесь они сразили Рогвольда и всех его дружинников, пленили его дочь и передали ее Вольдемару, и только после этого стали требовать оплату за свои труды. А Вольдемар... А Вольдемар стал торговаться, словно женщина, стал говорить, что вся его казна у Еррополька в Киеве, а посему, говорил Вольдемар, как только одолеем Еррополька, тогда сразу посчитаемся – одним разом за всё. И мы, то есть мои дядья и прочие воины севера, ему поверили. И пошли на Киев. И пришли туда. Но Ерропольк затворился в крепости и отказывался выходить в поле для решающей битвы. И вот тогда... – тут Эймунд усмехнулся, помолчал, а потом торопливо и гневно продолжил: – Но это уже ничего не могло изменить! Потому что люди севера все равно захватили и Киев, и киевскую казну, и самого тогдашнего киевского князя Еррополька! И снова стали требовать свою законную долю добычи. А Вольдемар... Он их прогнал, как назойливых псов! И не на север, как они того хотели, а на юг! Чтобы север так никогда и не узнал, какие недобрые дела порой творятся в вашей стране. Ведь так все это было, князь?

– Так, да. Но не совсем, – сказал отец. – Потому что твои сородичи, рассорившись с Владимиром, стали требовать, чтобы он отпустил их на юг, где они хотели наняться на службу к ромеям. И он их сразу отпустил. А мог бы и прогнать. Потому что они, твои сородичи, убили Ярополка, его брата!

– Убили? Ну и что! – сердито вскричал Эймунд. – Они и Рогвольда убили! Но ты же за это на них не в обиде.

– Потому что Рогволод, мой прадед, пал в бою. И это честь! – вот что ответил на это отец очень гневно! И так же гневно продолжал: – А Ярополка закололи в спину. И это смертный грех на тех, кто это сделал! То есть на ваших людях, на варягах.

Ярл засмеялся. Он долго смеялся. Потом сказал так:

– Какие вы, южные люди, смешные! Зачем им было его убивать? Ради потехи? Или ради славы? Так ведь славы в этом не было и быть не могло. Безоружный Ерропольк вошел в темные тесные сени, и там те, кому князь Вольдемар за это щедро заплатил, его и закололи. Но кололи они из-за денег, а деньги были Вольдемаровы. Вот на него, на Вольдемара, и лег этот, как вы называете, грех. Я повторяю: на Вольдемара, а не на тех глупых и жадных дружинников, которые...

– Ложь! – закричал отец.

– Князь! – снова засмеялся Эймунд. – Ты же князь! И, значит, ты прекрасно должен знать, как все это делается. А делается это совсем не просто, а сперва долго обдумывается и подготавливается. Ведь просто так никто никого не убивает. Вот мы пришли к тебе. И разве мы сейчас кого-нибудь режем или душим? Нет, конечно. А вот если бы нам было за это заплачено... Однако, похоже, я уже начинаю говорить лишнее! Так вот, давай опять будем говорить о Вольдемаре. Итак, Ерропольк был убит, Вольдемар занял Киев и объявил себя великим князем. Никто не смел ему в этом перечить. А если так, то, значит, наши родичи стали ему не нужны, и он прогнал их на юг, откуда никто из них уже не вернулся. Мы затаили обиду. Шло время. Честно признаться, мы уже и не думали, что нам когда-нибудь удастся посчитаться с Вольдемаром. И тут вдруг является к нам его сын Ярислейф. Он бежал к нам от своего отца,

как когда-то сам его отец бежал к нам от своего брата Еррополька. Ярислейф начал с того, с чего когда-то начинал и его отец Вольдемар: он звал нас на Киев и тоже обещал нам много добычи и воинской славы. Мы прекрасно понимали, что Ярислейф так же лжив, как и его отец, что он нас тоже обманет. Но мы пошли за ним, потому что нам было сказано, что нас ведут на Вольдемара, а мы очень желали посчитаться с ним за наших родичей. Однако Вольдемар нас не дождался, умер, и мы уже хотели было возвращаться с полдороги. Но Ярислейф, не скрою, был очень убедителен в своих воинственных речах. Кроме того, он был щедр на обещания, он говорил, что даст нам Киев на три дня для разграбления...

Ярл замолчал, задумался. Отец насмешливо сказал:

– И ведь не обманул.

– Не обманул, – как эхо отозвался Эймунд. – Первое время он и действительно был с нами щедр и милостив. А мы за это хорошо ему служили. А дальше мы бы служили ему еще лучше! Но тут вдруг произошли такие неприятные события... что я и не знаю, как мне их теперь тебе излагать! И нужно ли мне это делать?

Тут Эймунд снова замолчал. Он ждал, когда отец не выдержит и начнет его расспрашивать. Когда человек расспрашивает, он тогда легче верит услышанному – он же сам хотел это услышать, вот пусть теперь и слушает! Но отец ничего у ярла не спрашивал. Потому что он видел: был ярл высокий, кряжистый, беловолосый, белобровый, а такое всегда не к добру...

И ведь так оно тогда и вышло!

Ярл вдруг спросил:

– Почуял, да?

Но отец снова ничего не ответил. Тогда Эймунд, озлясь, вскричал:

– Так слушай же! Когда скончался Вольдемар, то Свендопольк не стал дожидаться, пока в Киев съедутся все его родичи и станут решать дело о престолонаследии законным образом, а взял и самовольно провозгласил себя великим князем. Да, он, конечно, вел себя весьма поспешно. Но, с другой стороны, Свендопольк имел на Киев все права! Ведь он был старшим в вашем роду как по возрасту, так и по праву рождения. Отец Свендополька – это уже упоминавшийся нами Ерропольк, который был великим князем еще до Вольдемара. Да и сам Вольдемар, убив Еррополька, усыновил Свендополька и при всяком удобном случае именовал его своим старшим сыном. Так что о чем тут было спорить? Но Ярислейф судил иначе, он говорил, что Свендопольк – это чужая кровь, и поэтому он даже не может рассматриваться как претендент на престол, так как по всем божеским и человеческим законам наследовать Вольдемару могут только его родные сыновья, а первым из них является старший из оставшихся в живых, то есть он, Ярислейф. И потому-то Ярислейф и шел на Киев, вел нас с собой и ублажал наш слух рассказами о будущей – и очень скорой – несметной добыче. Однако вскоре я заметил, что чем ближе мы приближаемся к цели нашего похода, тем Ярислейф становится мрачнее. Тогда я в весьма осторожных выражениях поинтересовался у него, в чем же тут дело. Ярислейф ответил мне примерно следующее: из диких южных степей в Киев спешит – и не один, а с большим войском! – еще один сын Вольдемара, который, если честно говорить, имеет куда большие права на престол, чем Ярислейф и Свендопольк вместе взятые. Я очень поразился подобному известию. Тогда Ярислейф объяснил: дело в том, что этот сын рожден от законного по вашим понятиям христианского брака, а Ярислейф и Свендопольк – от языческих. Вот какие вы странные, южные люди! Однако я не стал спорить с Ярислейфом. Я и в дальнейшем внимательнейшим образом выслушал его пространную и весьма сбивчивую речь, потом потребовал залог и получил его, а потом... Слушай внимательно, князь Вартилаф! Очень внимательно! В тот день, когда мне это было поручено, я взял с собой только самых верных людей – Рагнара, Аскелля, обоих Тордов, Бьорна и еще... Но этих уже нет в живых, и поэтому мы не станем их упоминать... Так вот, мы все переоделись купцами, сели на коней и ехали, таясь от встречных, целый день. Лес был очень густой, таких я прежде никогда не видел. А потом мы

нашли то, что искали, спешились и затаились. Вскоре до нас донесся шум, который ни с чем нельзя спутать, – это двигалось войско. Потом шум стих – это они учредили стан. Мы ждали. Когда уже достаточно стемнело, я обрядился в рубище, подвязал себе лживую бороду, встал на костыль и двинулся прямо к их кострам. И так – на костыле, с протянутой рукой, то есть совсем как самый настоящий нищий, – я обошел весь их стан. Мне везде щедро подавали. А я увидел все, что мне было нужно. Потом, когда в стане все крепко заснуло, я снова к ним пришел, но уже не один, а со своими верными людьми, безошибочно нашел палатку конунга, и там показал, что и как нужно делать. А потом... А потом, сделав все то, что нам было поручено, мы скрытно вернулись туда, откуда прибыли. Я развернул плащ и сказал: «Вот эта голова. Ты узнаешь ее?» А он мне ничего на это не ответил, он только побелел как снег. Тогда я продолжал: «Этот великий подвиг совершили мы, люди севера. А ты теперь прикажи предать своего брата земле с надлежащими почестями». И только тут твой дядя закричал: «Зачем ты сделал это? Кто научил тебя?» – «Как кто? – ответил я. – Ты, господарь. Ты же сам говорил, что твой брат Бурислейф...» Но Ярислейф не желал меня более слушать – прогнал. После еще восемь дней он со мной не разговаривал. А тело своего брата велел прибрать...

– Ложь! – очень гневно воскликнул отец.

– Ложь? – усмехнулся Эймунд. – Как бы не так, мой господарь! Я говорил по совести. И теперь еще раз, прямо говорю: Бурислейф был убит по воле Ярислейфа, а Свендопольк здесь ни при чем. И тогда какой же он Окаянный? Окаянный – это твой дядя Ярислейф, который до тех пор будет резать вас, своих родичей, пока всех не зарежет. И это мне известно совершенно точно. Вот так-то, князь! Подумай об услышанном. А если я хоть в чем-нибудь солгал, то пусть мне не умереть на поле битвы. Пусть мне никогда не увидеть Вальхаллы! Клянусь Одином, Фригг, Тором, Локи, клянусь Югдрасилем... Ну, чем тебе еще поклясться, южный человек?

Отец молчал. Потом тихо сказал:

– Сегодня уже поздно. Ложись и отдыхай. А завтра уходи. Я не держу тебя.

Ярл не обиделся. Он только невесело улыбнулся и сказал:

– Ты молод, князь, горяч. Конечно, мне уйти нетрудно. Но подумай: а что будет потом?

Твой дядя Ярислейф скоро придет сюда, уж я-то хорошо его знаю.

– Нет, не придет! – сказал отец очень уверенно. – Меча меж нами нет.

– Мечи всегда найдутся! – так же уверенно ответил Эймунд. – Вот почему я пока что не буду спешить. Я встану на Острове и подожду. Дай мне три дня передохнуть, а потом я сам уйду. Если, конечно, ты меняпустишь.

– Отпущу!

– Князь! – тихо засмеялся ярл. – Не зарекайся!

После сразу же встал и ушел. На Вражий Остров. Они стояли там три дня, а на четвертый день, когда они уже начали поднимать паруса... Прямо напротив них, но уже здесь, на этой стороне, причалил киевский посол Ходота. Он сразу поднялся к отцу и также сразу начал выговаривать ему вроде того, что, мол, зачем ты, Брячислав, кормишь Эймунда, ведь он же дядин враг, и ты это знаешь! Отец обиделся, ответил:

– Но я не звал его. Да и к тому же он сейчас уходит.

– Куда? – грозно спросил посол.

– Не знаю! – сердито ответил отец. – Да и зачем мне это? Мы сами по себе, а варяги по себе!

– Вот это верно! – сразу подхватил Ходота. – Им на Руси не место! От них нам одно только зло!

– Какое зло? – спросил отец.

Но Ходота будто не расслышал, а уже вот что сказал:

– А дядя ждет тебя!

– С дружиной?

– Нет! – сразу ответил посол. – Зачем ему теперь твоя дружина? Тихо теперь на Руси, слава Богу. Но, правда, как-то даже слишком тихо. Вот дядя твой и говорит: «Земля наша обширна и обильна, а сколько нас на ней осталось? Я да братья мои Судислав и Мстислав, да Брячислав, племянник наш, и все». Поэтому желает он рядиться. Вот, говорит, собраты бы вам всем четверым, обговорить, как быть дальше, как Русь держать так, чтобы дедино не расплзлось в чужие руки. А то ведь что же получается! Волынь уже который год без князя. Так же и Древлянская земля. Так же Муром, Ростов...

И еще долго говорил Ходота, мягко стелил, приманивал. Отец с ним не спорил, кивал, соглашался. Да, говорил, мы с Ярославом оба от Рогнеды, да, и как же такое забыть, что только Ярослав тогда и заступился за нас перед дедом, и дед смирил свой гнев и оставил нам Полтеск. А то, что дядя мне теперь еще земель сулит, так это великое благо. Всё это так, прав Ярослав. И здесь он тоже прав. И здесь... Вздыхал отец! И нет-нет да и поглядывал в окно...

А там, через Двину, на Вражьем острове, было уже пусто. Не было там больше полосатых парусов, двухсот острых варяжских мечей и ярла Эймунда. Он утром, еще до Ходоты, приходил прощаться и сказал:

– Есть у меня скальд, его зовут Бьорн. Когда мы вернемся к себе, он будет петь о тех, кого мы видели здесь, в ваших землях. Он мог бы петь и о тебе. Но пока что мы тебя не видим, и петь ему о тебе пока нечего. Прощай, князь! – и ушел.

А вот и корабли его ушли – вниз по Двине. А на следующий день ушел Ходота. Ходота ушел вверх. На пристани напомнил еще раз:

– Спеши, князь! Дядя ждет тебя. А то как бы тебе самому не пришлось его ждать. Но ждать-то что! А вот встречать...

Отец пообещал поторопиться. И в тот же день, от всех таясь, отец сошел к реке, взял лодку и поплыл... вниз по течению, к варягам! Гребцам пообещал: озолочу! И те гребли без продыху. Два дня. На третий, уже вечером, они догнали Эймунда. Ярл ни о чем отца не спрашивал, а сразу посадил к костру рядом с собой. Рог подавал, сам мясо нарезал и потчевал. Отец молчал. Варяги пели – тихо, не по-нашему. Но мы и по-варяжски знаем, и по-еллински. Двина – река широкая, она для всех открытая. Ночь наступила, все ушли. Тогда отец сказал:

– Дядя зовет меня в Киев. Земли сулит.

Эймунд с удивлением посмотрел на отца и спросил:

– И что, именно из-за этого известия ты три дня гнался за мной?

Отец кивнул. Тогда Эймунд сказал:

– Какие вы, южные люди, смешные! Когда зовут, нужно идти.

– Но я не верю дяде! – очень сердито воскликнул отец.

– Ну и что?! – сказал Эймунд. – Верить совсем необязательно. Но все равно нужно идти. Только не в Киев, – тут он усмехнулся, – Киев нам пока что не осилить. Ведь у меня всего две сотни воинов. А сколько у тебя?

Отец молчал. Тогда Эймунд хлопнул его по плечу и сказал:

– Еще раз говорю: какие вы смешные! Вот ты не веришь, а пойдешь. И еще без охраны. Ведь тебе было велено явиться одному, не правда ли?

Отец опять ничего не ответил. Эймунд недобро усмехнулся и продолжал:

– Вот так! Не веришь, а пойдешь. И Бурислейф тоже не верил, но пошел. И Ярислейф его зарезал.

– Дядя не резал!

– Да, он не резал, – согласился Эймунд. – Резал я. А для тебя, я думаю, найдется еще один ярл. Ведь не может же Ярислейф отступить от данного слова!

– Какого?

– А такого. Ведь он же обещал дать тебе землю – и ты ее получишь. Потому что только будучи в земле ты никому уже не повторишь того, что слышал от меня: Бурислейфа убил Ярислейфа. А я же был только мечом Ярислейфа.

– Ярл!

– Погоди!..

И так они еще довольно долго спорили, только к утру пришли к согласию. И двинулись – вверх по реке, в обратный путь. Пришли, стали на Вражьем Острове. Дальше отец пошел один и говорил с дружиной. Потом позвали Эймунда и снова говорили. Потом били в Зовун, созвали люд и говорили с людом. Люд разделился, стоял страшный крик. И даже бабушка тогда пришла на площадь, и тоже грозила отцу, и увещевала его, после опять грозила и увещевала, говорила, что добра от этого не будет...

Но он тогда все равно ее не послушался – взял дружину и пошел на волоки. Он тогда очень спешил. Потому что, когда он уходил, бабушка ему при всех сказала, что она пошлет гонца в Киев, к дяде, чтобы его предупредить. И как она сказала, так и было: скакал гонец, потом плыл по Днепру...

И все равно он был еще под Любечем, когда отец и Эймунд уже пришли под Новгород. Крик там был тогда великий! И смятение! Чуть только успели затвориться новгородцы. Но Эймунд на Дитинец не пошел, а сразу, через мост, на Ярославов Двор! Вот там и была злая сеча! Посадник Константин, сын того самого Добрыни, стоял насмерть. Но все равно они мечей не удержали! Мы их загнали на крыльцо, терем зажгли. Взыл люд! Дым! Гарь! И приступили мы...

Вдруг разделилась новгородская дружина: одни остались стоять и рубиться, а другие побежали. Да не смогли они уйти – за ними кинулся Эймунд со своими людьми, перехватил их, порубил, взял добычу – и поспешил обратно. Вернулся – здесь уже все догорало, но Константин упорствовал, отец его теснил – они уже рубились на Майдане, у самой воды. Еще немного, всех бы положили! Или, может, положили бы нас?..

Но тут вернулся Эймунд со своими людьми, и они сразу же стали садиться на корабли. И кричали отцу, чтобы он тоже скорей уходил, что дело уже сделано, мешкать нельзя. И отступил отец к варягам. И они вместе поспешно отчалили. А новгородцы стреляли по ним, стрел не жалели, а Константин, тот еще даже гнался берегом, и от него тоже стреляли. Только всё это было напрасно! Ярл смеялся, говорил, что теперь Бьорну будет о чем рассказать, когда они вернутся домой. И самые лучшие его рассказы, радостно добавлял ярл, будут, князь, о тебе! А потом, когда стрелы с берега перестали до них долетать, он отвел отца на корму и показал добычу. Была она в золоченом шлеме и в такой же кольчуге, а щека у нее была вся в крови. Глаза гневно прищурены. А губы плотно сжаты. Ярл подмигнул отцу. Отец спросил у добычи:

– Ты кто?

Но она ничего не ответила – не пожелала. Она смотрела на отца очень презрительно. Отец оборотился к Эймунду. Эймунд сказал:

– Не сомневайся, князь, это она. Потому что при ней были те, кого я и думал увидеть. Сигурд и Лейф, уппландцы – это они нанимались ее охранять. Да ты сними с нее шлем, и тогда сам увидишь!

Но отец не успел – не решился. Тогда она сама его сняла. И из-под шлема сразу волосы рассыпались. Длиннющие! И были они белые как снег. А брови были начерченные. Губы презрительно подкушены... А руки так и било, било дрожью. Отец осторожно спросил:

– Так... кто же ты?

Тогда она и вовсе отвернулась. Эймунд очень сердито воскликнул:

– Ничего она тебе не скажет! Ведь кто мы для нее? Никто!

Кивнул – и увели ее, она им не перечила. Потом она просто сидела у борта, смотрела на воду, молчала. Ветер трепал ее длинные белые волосы – как у русалки. Шли Ильмень-озером, спешили. Эймунд опять был весел, он ходил взад-вперед, приговаривал:

– Город взять – ума много не надо. А вот зато после его вовремя отдать – это совсем другое дело. Ты не печалься, князь! Мы поступили правильно. Твой дядя, я так думаю, уже покинул Киев. Он спешит, но и мы тоже не сидим на одном месте. Так что еще посмотрим, кто из нас окажется удачливей!

Ильмень прошли, свернули на Шелонь. Молчала пленница. Отец сильно робел, он к ней не подходил, он даже не смотрел в ее сторону. Теперь он точно знал, что это Ингигерда, супруга дядина, дочь Олафа Свейского. Сперва за нее сватался конунг норвегов Олаф Толстый, и все были за то, чтобы эта свадьба скорей состоялась, даже ее отец уже склонялся к этому. Но тут к ним явился Ярослав – и сразу все переменялось! Чем он их, свеев, взял – посулами, дарами? Но что он мог тогда сулить и что, тем более, дарить, когда он бежал с Руси сам-перст, в чем был?! Но что было, то было: раздружились свеи и норвеги, женился Ярослав, вернулся в Новгород с заморской королевной...

А вот теперь она отцова пленница. Пристали к берегу и развели костры. Эймунд велел – и пленнице поставили шатер – его шатер, а сам он лег к костру. Лег и отец. Но его почти сразу окликнули:

– Князь! Тебя Ингигерда зовет!

Он сразу подскочил. Эймунд недобро усмехнулся и сказал:

– Будь осторожен, Вартилаф. Когда я уходил из Киева, она очень хотела, чтобы меня убили. Но я оказался удачлив. А теперь я желаю удачи тебе!

Отец ничего на эти слова не ответил. Но, надо честно признать, они тогда крепко его остудили. И вовремя! Потому что дальше было так: когда отец вошел в шатер, она сидела, запахнувшись в плащ, и даже не повернула к нему головы. Она только очень сердито сказала:

– Стой там! Не подходи ко мне!

Он стоял, а она продолжала сидеть. Немного помолчав, она спросила:

– Ты кто такой?

Отец назвал себя. Тогда она опять спросила:

– Где мой сын?

Отец сказал:

– Не знаю.

– Поклянись!

Отец поклялся.

– Уходи!

Отец ушел. Он тогда и вправду не знал, куда исчез Владимир Ярославич, ее двухлетний сын. И никто у них тогда этого не знал. Дым тогда был, горело все, да и сами они тогда очень спешили. Эймунд, когда узнал, о чем она спросила, только головой сокрушенно покачал и сказал:

– Вот если бы мы взяли их двоих, вот это была бы добыча! И щит...

Но и княгиня, он сказал, это тоже большая удача. И велел выставить на ночь двойную охрану. А утром они только поднялись – и сразу двинулись дальше. Шли быстро как только могли, шли весь день, а вечером причалили и развели костры, поставили шатер – для Ингигерды. Ночь наступила – и опять отца окликнули. И опять он стоял, как раб, а она молчала, смотрела на него, о чем-то думала и хмурилась... Потом словно очнулась и спросила:

– Куда вы направляетесь?

– Не знаю.

– Лжешь!

Обидно ему стало – очень! Но он сдержался. Он даже усмехнулся и сказал:

– Да, я лгу. Ну и что?

Тогда она вдруг тоже усмехнулась и сказала:

– А ты, я вижу, смел. Мне такие нужны. Когда вернусь домой, возьму тебя к себе в охрану. Нет, что я говорю? – и она громко засмеялась. – Ты же трус! Ты бежишь как заяц, без оглядки. И ярл твой трус. Да и отец его – Ринг, конунг Гейдмаркский – тоже был ничуть не лучше. Мой муж догонит тебя и убьет, а твой удел раздаст своим рабам.

Отец хотел ей возразить – она не стала его слушать. Злобно велела:

– Уходи.

Отец ушел.

На третью ночь она его не позвала. Отец не спал – лежал возле костра и ждал, когда его окликнут. Но напрасно. А на четвертую...

Он сам к ней пришел! Сел напротив. Ярл говорил, что не нужно ходить, что это даже опасно, но отец все равно пошел к ней. Она, когда его увидела, не удивилась. Спросила тихо:

– Ты зачем пришел? Я не звала тебя.

А он сказал:

– Ты моя пленница, не забывай об этом.

– А ты?

– Я князь, сын старшего в роду.

– Так отчего тогда ты здесь? – притворно удивилась она. – Если ты старше всех, так и пошел бы в Киев. Мой муж, твой дядя Ярослав, звал тебя к себе, и не однажды. Вот ты бы ему о своем старшинстве и рассказал бы, а он бы тебя послушал. Ведь больше ему слушать некого! Брат Судислав и духом слаб, и телом, а брат Мстислав далеко. И не отзывается. Вот муж мой Ярослав и звал тебя... Муж!

И тут она засмеялась – тихо и недобро. Потом так же недобро спросила:

– Что ты задумал? Убить меня? Продать? Или... совсем забрать?

Отец молчал. Тогда она сказала:

– Значит, совсем забрать. Себе! Вон как ты смотришь на меня – как зверь! Но Эймунд не велит тебе этого. Эймунд задумал иначе! Он знает: Ярослав настигнет вас и одолеет. И тогда вы обменяете меня на свою жизнь – мой муж, желая возвратить меня, даст вам слово на мир. И вы поверите ему, отдадите меня и пойдете к себе... А он опять настигнет вас и на этот раз уже не пощадит, а умертвит!

– А его слово?

– А разве можно верить слову? – спросила она, презрительно поморщившись. – Верят только в свой меч. И женщин покоряют только силой, а не словом. Так что молчи!

Она гневно посмотрела на него. Ее отец – сын Эйрика Победоносного и Сигрид Гордой, брат – Амунд Злой. Ее отвергнутый жених, Олаф Толстый, не знает себе равных в битве. Прошлой зимой против него сошлись пять конунгов, а он разбил их в одну ночь и полонил, а старшему из них, Хрёреку из Хайдмёрка, велел выколоть глаза ратной стрелой – той самой, которой Хрёрек созывал свое войско в поход. Вот каков ее первый жених! А Ярослав, ее муж? Засмеялся отец и спросил:

– А дядя Ярослав? В чем его сила?

– Когда сойдешься с ним, тогда узнаешь! – очень сердитым голосом сказала Ингигерда. – И если победишь его... – Тут голос ее сильно изменился. – Тогда кто защитит меня? И я, хоть я и не хочу этого... я тогда буду твоя. Твоя, мой князь...

Тут она улыбнулась – впервые. И не было в ее улыбке ни насмешки, ни обмана. А после она прошептала:

– Мой князь...

И протянула ему руку. На ее пальцах, тонких и холеных, сверкали самоцветы. И эти пальцы теперь уже совсем не дрожали, а были они теплые; губы отца едва коснулись их...

Рука тотчас отдернулась.

– Довольно, князь, – тихо сказала Ингигерда. – Не искушай меня. Я же ведь такая, как и все, я слабая. И у меня есть муж. Узнает – не простит...

И, опустив глаза, она долго молчала. Отец, не выдержав, спросил:

– А если я буду убит?

Отец думал, она будет лгать. Но он ошибся! Она посмотрела на него – и этот взгляд был совершенно пустой, равнодушный – и так же равнодушно ответила:

– Тогда мы посмеемся над тобой – я и мой муж. И Эймунд. А пока уходи. Я спать хочу, – и она отвернулась.

Отец ушел. Пришел к костру, сел и велел подать ему вина. Подали. Отец взял рог... А выпить забыл – сидел истуканом, смотрел на огонь и молчал. Эймунд спросил:

– Чего она желает?

Отец очнулся, рассмеялся и сказал:

– Чтобы я сразился с Ярославом! – и бросил рог в огонь.

– И ты пообещал?

Отец кивнул. Эймунд сказал:

– Большой беды в этом нет. Я сам уже этого желаю. Твой дядя стар и глуп. И жаден. А еще он без ума от Ингигерды. И это самое главное! Потому что как только он узнает, что с ней случилось, он потеряет свой последний разум и будет совершенно нещадно гнать свою дружину в погоне за нами. Они придут сюда очень усталые и изможденные, а мы, напротив, к этому времени хорошо отдохнем и подготовимся. И разом кончим это дело!

Наутро они начали готовиться. Учредили стан, частокол, волчьи ямы, дозоры. И принялись ждать. А дядя шел из Киева. Так скоро до него никто еще не хаживал, а после только Мономах так шел к Смоленску. Шел дядя, гнал, много они тогда коней загнали...

Но вот пришли. И сразу, вскачь, ударились на приступ... И отступили, конечно, людей положили. Но сразу опять приступили, и даже в одном месте прорвались! А после опять отступили. Тогда они спешились, построились, пошли – и опять прошли совсем немного, опять остановились, дрогнули. Тогда Эймунд сказал:

– Пора!

Тогда уже отец и ярл вышли к своим, с дядей сошлись. И начали теснить его. И уже варяги запели победную песню, а наши просто стали громче кричать. Казалось, что еще совсем немного, дядя не выдержит и побежит...

И тут вдруг завыли рога! Это чьи-то лады показались на повороте. И это шли псковитяне, а вел их дядя Судислав. Вот этого отец никак не ожидал! Он отступил и затворился в стане.

А Судислав пристал к берегу, сошелся с Ярославом, и они вместе вышли в поле, там построились... А вот на приступ почему-то не пошли. А уже начало смеркаться. Эймунд сказал:

– Стоят они, и это хорошо. Ночью мы легко отсюда уйдем. И еще как уйдем – мы все лады у них пожжем! Вот только бы скорей стемнело.

Но тут вдруг у них вперед выходит Ярослав: в простом плаще, в простой кольчуге. Встал на пригорке и кричит:

– Где Брючислав? Говорить с ним хочу!

Молчат у нас. Дядя опять кричит:

– Брючислав! Заклинаю тебя, выходи!

Но мы опять ему не отвечаем. Тогда Ярослав отстегнул меч и бросил его в траву. А был Ярослав из себя ростом мал и тщедушен, как отрок. А еще он был хром на левую ногу. А теперь он вообще остался без меча! Отец шагнул было вперед...

Но тут Эймунд быстро сказал:

– Князь, не ходи к нему, обманет! Он как змея – язык раздвоенный.

Отец остановился, растерялся. После оглянулся...

И увидел, как Ингигерда вышла из шатра и тоже остановилась. Была она тогда мрачная-мрачная. Но на отца она даже не глянула. Это только отец посмотрел на нее... И вдруг подумал вот что: убьют его – тогда она и посмеется. Ну и смейся, подумал он дальше! И оттолкнул варяжина, меч отстегнул, вышел из стана.

И вот он подошел к Ярославу, глянул ему в глаза...

И увидел, что нет в дяде зла! Он протянул руку племяннику, сказал:

– Присядем, Брячислав?

И сбросил с себя плащ. Они сели на плащ. Как плащ один, так и земля одна, делить ее нельзя, вот что отец тогда подумал. И еще: так Святослав и Рогволод давным-давно еще сидели – меча меж ними не было. Это сейчас кругом лежат: тут свой, там дядин, дальше опять свой. Как нива осенью в снопах, так и сейчас...

Дядя сказал:

– Вот мы и встретились. И будем ряд держать. Как видишь, Брячислав, вышло по-моему! – и улыбнулся.

Отец молчал. А дядя продолжал:

– Я не виню тебя. Ибо не ты виновен, а я. Весь грех на мне, на старшем. Не так я, значит, рядил, не те слова говорил.

И замолчал, и посмотрел внимательно. Слова-то каковы! А голос мягкий, вкрадчивый...

– Слова! – сказал отец. – Но разве можно верить слову?

– Можно. И нужно, – сказал Ярослав. – Ибо Слово есть Бог, Слово у Бога, Слово – начало всех начал. И смерть всего. Вот мы с тобой умрем, дети наши умрут, наши внуки... И так дальше и дальше, сколько можешь представить! А Слово будет жить. Но если и Оно умрет, то ничего тогда уже не будет. Вот что есть Слово, Брячислав. Не всякое, конечно, а только Истинное Слово. Ибо еще есть Слово Зла. Или Слово Сомнения, Слово Гордыни. Это ведь она и привела тебя сюда – гордыня, Брячислав. А Эймунд, он потом уже пришел, прибил, подал меч. Ведь так?

И замолчал, и голову склонил, ждет, не моргая. Змея, вдруг подумал отец, воистину змея! Раздвоенный язык... Вот и молчал отец, насторожившись. А дядя словно подползал, и обвивал, сжимал, в глаза заглядывал... И продолжал – чуть слышно, задушевно:

– А ведь всё это началось от брата моего, от твоего отца, от Изяслава. О Изяслав! Любимый Владимиров сын. Чего ему хотелось? Стола великокняжеского! Киева! А получил всего только Полтеск. И осерчал брат Изяслав, зло затаил. И вас во зле родил. И в гордыне. Ведь ты же, Брячислав, только о том и думаешь, что ты сын Изяслава, а Изяслав старше меня по лестнице. Поэтому и ты, как прежде твой отец, только про Киев думаешь. И только Киев тебе снится. Ведь снится?

Но отец молчал. А дядя улыбался. Говорил:

– Ну и придешь ты в Киев, и воссядешь. А дальше что? Удержишь ли ты Русь? Ума на это хватит ли? А хитрости? А крутости? Да, крутости. И снова крутости! И снова!

Он покраснел даже, налился кровью. И заиграли желваки на его скулах. Где его мягкость, где добросердечие? Нет ничего и словно никогда и не было! Вот так же, видимо, когда он за Борисом посылал...

Но вот уже унялся, улыбнулся Ярослав. Тихо сказал:

– Да что это все я да я? Пора бы и тебя послушать. Слушаю.

Отец долго молчал, всё примерялся, не решался. А потом сказал так:

– Не от гордыни это всё, а от неверия. Не верю я тебе. И поэтому я не пошел к тебе в Киев. Страшно мне стало!

– Чего? – будто не понял дядя.

– Того! – гневно сказал отец. – Что ты убьешь меня! Знал я... – но тут он спохватился, замолчал.

– Так! – улыбнулся Ярослав, после вздохнул легко. – Так... – повторил. – Вот оно что! Так расскажи, что знал. И не таись. Вдвоем мы здесь.

Вдвоем, гневно подумал отец, а то как же! Живые – это так, а если всех считать, так вон сколько их вокруг положено! И рассказал отец – зло, без утайки. Дядя все выслушал, задумался. Потом сказал:

– Вот, значит, как оно тогда было! А я-то, грешный, думал, что иначе.

– Как?!

– А зачем тебе это? И кто я тебе? Убивец. Сперва брата казнил, потом тебя в Киев заманивал... Верь Эймунду! Я тоже ему верил. Пока...

И головой покачал. И молчит!

– Пока? – переспросил отец. – А что «пока»?

– Что? Так, безделица, – равнодушно сказал Ярослав. И дальше так же равнодушно продолжал: – Верил ему до той поры, пока я не сказал: «Мир на Руси, мне в войске больше нет нужды». И расплатился с ним, как было оговорено. А он стал требовать еще! Я отказал. Я не люблю торговаться. А он тогда сказал, что я об этом еще горько пожалею, что он еще придет ко мне, но уже не один. И сразу же ушел. Как я после узнал, к тебе. И я почуял – это не к добру, послал к тебе гонца, чтобы предупредить тебя... Да, видно, не успел гонец! Или сказал не те слова. И теперь вот чем все это обернулось!

И тут он указал по сторонам, на убитых. Так что теперь, по нему, получалось, что это не он, а отец виноват. Ну, или Ходота, посол. Или опять отец, потому что неправильно слушал Ходоту. Гадко стало отцу, очень гадко! И если бы на этом все закончилось, так нет! Дядя, язык раздвоенный, опять заговорил:

– А брат мой, князь Борис... Ты же знаешь, Брячислав, как это было! Но я опять скажу. Борис был тогда в Степи, его отец послал на печенегов. И вдруг гонец к нему, и говорит: «Отец твой умер!» Опечалился Борис, повернул дружину и пошел на Киев. Он быстро шел! И вот, почти уже пришел, как вдруг к нему еще один гонец. И этот уже говорит: «Князь, не ходи на Киев!» Удивился Борис и спросил, почему это так. Гонец сказал: «Там Святополк уже сидит, а вас, братьев своих, в Киев велел не допускать. Ибо иначе, он сказал, вы, сыновья Владимира, зарежете его, как ваш отец его отца зарезал!» Тогда еще сильнее опечалился Борис и сказал так: «Вот только что мы отца потеряли, а теперь как будто нет у нас уже и брата!» А после отпустил гонца, чтобы тот передал Святополку: «Брат, не хочу я барм великокняжеских, владей ими, и Киевом владей! Но, брат, хочу я поклониться гробу отца своего. Открой передо мной ворота! А я за это распушу свою дружину». И, сказав так, Борис крест целовал, дружину распустил, оставил при себе лишь двадцать верных отроков. И ждал, когда опять придет гонец от Святополка с тем, чтобы призвать его в Киев. Но не гонец пришел от Святополка. А были то Пушта, Еловец и Ляшко. И ночь была, брат, затворясь в шатре, читал псалмы Давидовы. И тут они вбежали. И поразили его копьями, увернули в намет, повезли к Святополку. Борис тогда был еще жив, но Святополк велел – и закололи они брата. Вот как все это тогда было. И я на том целую крест!

Сказал – и поцеловал. И улыбнулся. Были у дяди карие глаза, веки припухшие, ресницы редкие, короткие. А губы бабьи, красные. Так в чем же была его сила? Родился он – все думали, не выживет. А он не только выжил, но еще и братьев пережил – и как! Пошел и Святополка одолел, сел в Киеве! А возвратился Святополк, и не один, а вместе с Болеславом, стали они рубить ворота Щербецом – и дядя убежал в варяги, там Ингигерду взял, и Эймунда, и тысячу мечей, вернулся, всех побил, и снова сел в Киеве – на Святополковых костях! А что до Борисовых костей, то он, крест целуя, клянется...

А Эймунд что?! Вот и сказал отец:

– Но Эймунд тоже клялся.

– Кем? – гневно спросил дядя.

– Одином.

– Вот то-то и оно, что Одином, – и тут дядя опять улыбнулся. И тут же спросил: – Ты кому больше веришь: Христу или Одину?

И смотрит на отца, и не моргает. И нет в нем зла – он мягко стелит. Вон скольких нынче постелил – всё поле до самой реки! Отец подумал и сказал:

– Но Один Эймунду – это как нам Христос. Разве мог Эймунд лгать?

– А вот, значит, и мог, – сказал дядя. – Кто мы для варягов? Отступники. Так же, как Степь для нас. Мы степнякам тоже целуем крест, а после убиваем их. И в этом не видим греха. Так и варяги с нами поступают – лгут нам и убивают нас, и это у них в честь. А другого от них и не жди, Брячислав. Другое разве что... Вот разве если б ты, как Эймунд, поклонялся Одину, тогда бы Эймунд... Да!

И замолчал он, долго думал. Потом насмешливо спросил:

– А Глеба тоже я убил? Что про это Эймунд говорил?

Отец молчал. А дядя, распаляясь, продолжал:

– А Святослава Древлянского? Я? Что молчишь? Да потому что отвечать-то нечего! Вот так! Поэтому молчи и помни: Эймунд уйдет, и все они – варяги ненасытные, ромеи, печенеги – они все уйдут, а нам здесь жить. А сколько нас? Ты, я да брат мой Судислав, да еще брат Мстислав. Но нет Мстиславу веры. Ты погоди еще, поднимется Мстислав, попомнишь мое слово. Лжив он, Мстислав, и алчен! А Судислав? Он тоже не опора. Вот одолел бы ты меня, и сразу Судислав – ох, мягок он! – пошел бы при тебе ходить, как он пока при мне. Вот я и говорю, что разве они князья и разве братья? И вот и получается, что только двое нас на всей Руси. И, значит, чтобы не погибла Русь, чтобы сохранилось дедино, надо быть нам с тобой заодин – отринув меч, крест целовать. Так, Брячислав?

Молчал отец...

2

– Князь! – вдруг послышалось.

Он вздрогнул, резко поднял голову...

И увидел, что это Игнат. Игнат стоял в дверях и тоже смотрел на него.

– Чего тебе? – сердито спросил князь.

– Пришли они, – сказал Игнат. – Накрыли мы.

– Знаю! Сейчас приду!

Игнат ушел. Князь встал и, подойдя к стене, открыл сундук. Достал оплечье и надел его. Потом надел корзно – короткий синий плащ с красным подбоем, по краю волчий мех... И усмехнулся. Вспомнил, как тогда, в тот его первый приезд в Киев, Хромец принял его под колокольный звон и приласкал, расспрашивал о бабушке, задаривал. А только он ушел, сразу сказал:

– Волчонок!

Так оно с того и повелось, прилипло: Волчонок! После Волк. А после совсем Волколак! А ты, зло подумал Всеслав, терпел это, молчал и даже как будто не слышал. А после взял да повелел, чтобы тебе шапку, сбрую и корзно, и прочее – всё, что ни есть – оторочили волком! Так ты к Ярославичам потом и заявился – весь в волках. Брат Изяслав как это увидал, так побелел – он суеверен был...

Но что это? Всеслав поспешно обернулся...

Нет никого – наверное, почудилось. Вот так-то, князь, сердито подумал Всеслав, над Изяславом раньше потешался, а теперь сам чуть что, и сразу робеешь! И чего тут сидишь?! Иди, ведь ждут тебя! Ты повелел, вот они и пришли. И не желали бы идти, да никуда не денешься. Вот что есть княжеская власть! Так и Борису бы, святому стастотерпцу, – властвовать! Ибо что им – рабам, слепцам, глупцам – псалмы Давидовы? У них всё просто: не поднял меч – и, значит, ты не князь. А тут еще дружину распустил, оставил одних отроков. И пала ночь, и отроки заснули, а ты, Борис, один в своем шатре оставшись, читал псалмы Давидовы. А голос ночью в тишине ох далеко как слышится! И вот на голос твой, на те псалмы твои, они и пришли. А что потом тебя, Борис, с почетом погребли, к лику причислили, так это же...

Но спохватился князь, торопливо подумал: да что это я? Грех такое говорить, и даже грех думать. Прости мя, Господи! Глуп, суетлив я, духом немощен. Молчу и ухожу – ведь ждут меня! Князь встал, шапку надел, поспешно вышел в гридницу. Там стол и вправду был уже накрыт. И был тот стол богат: еды, питья на нем было не счесть...

А вот сидели за ним только трое: Любим Поспелович, посадник, Ширяй – опять же он! – и Ставр Вьюн, артельный от купцов. Вот так, гневно подумал Всеслав, и это всё. Ну-ну! А звал ты, князь...

Тут эти трое встали, поклонились; князь брови свёл – и они сели.

А князь не садился. Грозно глянул на них и спросил:

– Где владыка?

– Владыка хвор, – сказал Любим. – Ты, князь, не обессудь, я сам к нему захаживал.

– Хвор! – князь серчал все более и более. – А сотские? А старосты? Что, тоже хворь на них? Так, может, у нас опять мор?!

Гости молчали, хмурились. Князь сел. Насмешливо сказал:

– Вы угощайтесь, гости дорогие. Вот пиво, мед. Вепрятина. Или конины вам? А то могу и медвежатинки...

Ширяй ослабилсЯ. Любим и Ставр ухом не вели. Князь продолжал:

– А фряжского вина? Я повелю, и принесут. Игнат!

– Так вот оно! – сказал Игнат.

– А, да! Так наливай гостям. Чего стоишь?

Игнат не шелохнулся. Любим сказал:

– Князь, не гневись. Мы не за этим пришли.

– Вы? Не за этим? – грозно спросил Всеслав. – А вы откуда знаете, зачем? Это я вас призвал! И я же буду угощать. Ибо затем вас и призвал, чтобы вы ели, пили, видели: вот он, ваш князь! Жив и здоров! А то, мне донесли, болтают всякое. Болтают?

– Болтают, князь, – вздохнув, кивнул Любим.

– И верите?

– Не верим. Только видим.

Помолчали. Они сидели и смотрели в стол. Князь зачерпнул из кузовка горсть каленых орехов, разгрыз один и выплюнул – орех оказался пустой. Взял и разгрыз второй. Жевал. Спросил:

– А что купцы? Торг будет? Нет? – и посмотрел на Ставра.

Ставр молчал. Князь высыпал орехи из горсти, сказал презрительно:

– Купцы! Кресты на всех... Срам вы, а не купцы! В церквах торгуете.

– Князь!..

– Я здесь говорю! Ты слушай, Ставр, молод еще. И грешен. Где твой амбар устроен? В подвале у Святого Власия. А что в других? В Успенской церкви, в Пятницкой, в Ивановской? Тоже товары! И закладные у вас там, и обязательства. А Он, как сказано в Писании, что говорил? «Дом мой молитвой наречется». Так? Так! И, сделав бич из вервиев, изгнал вас всех, и столы опрокинул. А вы опять в Его храм с чем пришли! И говорите еще: «Веруем». Во что? В Тельца? Или совсем в видения? Видали, мол, над княжьим теремом недобрый знак. Закроем, братья, торг, схоронимся в подвалах – подвалы те освящены, в них святость, благолепие, – и будем ждать, когда наш господарь уйдет. Так, Ставр?

Ставр молчал. Любим тяжело вздохнул, сказал задумчиво:

– Ну-ну!

– Чего «ну-ну»?! – взъярился князь.

– А ничего, – как ни в чем не бывало ответил Любим. – Внимаем, господарь. И повинемся. Как повелишь, так и будет. Товары из подвалов вынесем, сожжем. Церкви закроем, сами разбежимся. Ты только прикажи нам, князь!

И замолчал посадник. Смотрит исподлобья. Сидит копна копной, сопит; зарос до самых глаз, опух. Он разбежится – да! Князь усмехнулся. А Любим сказал:

– Не сомневайся, князь; да, разбежимся. Ибо устали мы, ох как устали! Чего ты на купцов накинулся? Купцы – это прибыль Полтеску. И, между прочим, немалый. А что амбары по церквам, что торжища на папертях, так это же еще твоим родителем заведено.

– Позволено!

– Позволено, – не стал спорить Любим. Но и тут же добавил: – Как и по всей Руси. Хоть Новгород возьми, хоть Киев, хоть Смоленск – везде в церквах амбары. Да и опять же, князь! Ведь не об этом нам сегодня нужно говорить, а о другом!

– О чем? – грозно спросил Всеслав.

– Ну! – тут Любим даже поморщился. – Ну, мало ли! Да вот хотя бы... Я же ничего тебе не говорю о том, что нынче пятница, а у нас тут на столе скоромное. Потому что и пусть себе скоромное, это не самый страшный грех. Слаб человек! Согрешил, после замолит...

– Виляешь ты!

– Виляю, да, – опять не стал спорить Любим. – Так я привык вилять. А с тобой же иначе нельзя. Вон выверился как! Тут уйти бы живым...

И засмеялся – как всегда, беззвучно; заколыхался киселем. Всеслав, сердито глядя на него, подумал: такому брюхо не проткнешь, меч не хватит. Да он и не почувствует; меч вытащит, утрет и удивится: «А это что?» Другое дело Ставр, цыплячья шея...

– Ставр! – рявкнул князь.

– Что? – вздрогнул тот.

– Пошел бы ты отсюда, Ставр! И ты, Ширий, тоже пошел бы!

Ставр подскочил, налился кровью. Ширий сидел, моргал – словно не слышал. Любим с укоризной сказал:

– Негоже, князь. Сам же позвал! Так пусть теперь сидят. Вон сколько яств.

– Так пусть едят!

– Как повелишь. Отведайте; князь так желает.

Ели. Игнат налил вина. Князь поднял рог, сказал:

– За здоровье гостей моих.

– И за твое, – сказал Любим.

– И за мое!

Вино было холодное и кислое; Всеслав поморщился, утерся и спросил:

– Так, говоришь, видение. Кто видел?

– Видели, – уклончиво сказал Любим. – Нынче много всякого можно увидеть. Только одного не замечают, не хотят, потому что не ждали. Или не желают видеть. А вот зато другое... Я же говорю: устали все. Сегодня на торгу юродивый кричал: «Камень, стоявший во главе угла, стал камнем преткновения!»

– Взяли его? – спросил Всеслав.

– Зачем? – Любим пожал плечами. – Он и сейчас кричит, не убегает.

– А что народ?

– Так все так думают, как он, просто молчат.

– Лжешь!

– Не веришь, выйди да спроси.

– Не верю.

– Выйди. Только не один – с дружиной. А то кабы чего...

– Грозишь?

– Зачем? Я просто говорю, как есть. Устал народ. Видение увидел – и вздохнул, поверил. Ну, думает народ, свершилось! Слава Те... А тут вдруг ты – жив, невредим! Тут, знаешь, князь...

Посадник замолчал, посмотрел на Игната. Игнат опять налил вина. Снова выпили – уже без слов, ибо молчал Всеслав. Потом стали закусывать. Посадник много, жадно ел, рвал мясо, чавкал, шурился. И вдруг, еще не дожевав, сказал:

– Видение. А тут еще охота. Все к месту, князь!

И снова начал есть. Охота! К чему это вдруг? Князь косо, хищно глянул на Ширия. Тот уронил кусок, испуганно сказал:

– Что я? Я ничего! Меня же как привезли тогда с реки хмельного, почти что без памяти, так я и спал едва ли не до этого. Только подняли, растолкали – и сразу к тебе...

Князь перебил:

– Любим!

Посадник перестал жевать, молчал. Тогда князь посмотрел на Ставра. И тот, вздохнув, стал нехотя рассказывать:

– Тебя медведь порвал. Уел тебя совсем, все видели... А ты потом из-под него вдруг выскочил. Как бы совсем живой! И даже ни одной царапины. И, получается, ты, тот, что сейчас перед нами... ты не Всеслав, наш князь, а ты только его тень. А наш настоящий князь вчера на охоте убит. Поэтому и было нам всем видение. Только не смерть это была – это Всеслав был в саване. Так люди говорят. И крестятся, и...

– Ставр! – крикнул, не выдержав, князь.

Ставр замолчал. Застыл, окаменел...

– Ширяй! – князя трясло от гнева. – Ты же тогда рядом со мной был! Скажи им, разве было так?!

Ширяй смутился:

– Князь...

– Не гневи! Рассказывай!

И... побелел Ширяй. Чуть прошептал:

– Не знаю я. Болтают люди. Пусть болтают...

– Да как это? Ты что, Ширяй?! – и князь вскочил, и перегнулся через стол, и попытался взять, схватить Ширяя за грудки...

Но подскочил Ширяй! И отшатнулся, будто от змеи. И тотчас же поспешно зачастил:

– Да, было так! Он смял тебя! Стал рвать! Мы онемели...

И замолчал. Князь сел, закрыл глаза. Стало темно, в ушах шумело... Потом мало-помалу унялось. И гнев будто прошел. Пусто стало на душе, безразлично. Князь так еще немного посидел и отдышался... После открыл глаза, глухо спросил:

– А дальше?

Ширяй по-прежнему стоял, стрелял глазами – на князя, на посадника, на князя, на посадника... И замер, шумно задышал. Тогда Любим, не поднимая головы, сказал:

– Ширяй-ай!

И тот опять заговорил:

– Да, онемели мы! Как вдруг... Ты вылезаеть, поднимаеешь. Сухой сказал: «Молчите, олухи! Вы ничего не видели!» Я и молчал, пил, как свинья... – и вдруг он сорвался на визг: – А знаешь ты, как страшно тогда было?! Сидели мы, дрожали! Вот, думаем, сейчас, когда уже стемнело, он, этот в княжьей шапке, он мало ли...

– Да что ты городишь?! Опомнись!

– Я-то помню! А ты? Ты?! Волколак!!!

Тут и Любим вскочил. И Ставр. Игнат метнулся к князю, пнул его в бок – и княжий меч, не зацепив Ширяя, глухо врубился в стол.

– Вон! – закричал Всеслав и снова поднял меч. – Всем вон! Всем! Всем!

Кричал – и бил, рубил, крошил; меч только и мелькал. Треск! Грохот! Звон!

А после князь упал. Лежал, хрипел. Свет жег глаза, слепил. Кровь – как вино – холодная и кислая. Рот не разжать.

– Игнат! Игнат!..

И голос сорвался! Завыл, заклокотал, заныл Всеслав! Душно было! Темно! И тяжело – словно опять на нем медведь, и рвет его, бьет лапами! Хозяин! Я...

А после ничего. Тьма. Тишина. И сколько было так, Всеслав не знал – миг, день, неделю, год...

Нет, час всего, а то, может, и меньше – как всегда. Глянул в окно – день на дворе. А ты, он подумал, лежишь – в одном исподнем – у себя. Век не поднять, губ не раскрыть. Гул в голове. Язык опух, не повернуть его – он весь искусан. Кровь липкая; течет...

Игнат кричит:

– Князь! Князь!

Нет, не кричит он – шепчет. И поднимает, и трясет тебя. И просит:

– Выпей, полегчает!

И рот тебе разжал, и влил. И пил ты, поперхнулся, и снова начал пить. Зубами клацал, ныл...

Ф-фу, отпустило наконец! Упал Всеслав. Глаза открыл. Да, точно – день. Он слабо улыbnулся, жив, жив, подумалось, опять Она не обманула! После хотел сказать, чтобы Игнат еще водицы дал – да промолчал, не смог, язык совсем не слушался. После глаза сами собой опять

закрылись. Брат Ратибор, ты помнишь, говорил: «Не бойся смерти. Жизнь – это сон, смерть – это пробуждение». Да, помню, как же, да... И тотчас же заснул.

Очнулся. Все болело. Ну и досада, как всегда: вот ты опять не уберешься. Ведь знал же, кого звал! И чуял ведь: как только ты вошел к ним в гридницу, так сразу будто варом окатили! И тебя сразу повело. Нет чтобы... Да чего теперь! Как было, так и было. Кем ты рожден, тем и умрешь, ни крест, ни оберег тебя не оградят – потому что от себя не оградишься. Волк, он есть волк, волк-одиноц, волк в княжьей шкуре, зверь...

Взвыл зверь! Затрясся! Князь стиснул зубы и весь скорчился, заныл! Тьма! Смерть!..

И опять тишина. И светло. И боли словно не было. И голова опять чиста. И на душе опять легко. Всеслав стер пот со лба, лег на бок, полежал. Все хорошо, подумалось, все хороши, и день хорош. Вот только боязно! Чего? Блажь это, князь! Ты – князь, ты – человек такой же, как и все, ты никакой не волколак, не лгал ты, не казнил, а был любим, сынов взрастил и отчину держал, а срок пришел...

Всеслав поежился. Уперся в изголовье, сел. Громко, как только мог, позвал:

– Игнат!

Игнат принес воды – заговоренной, из криницы. Игнат всегда имел запас; чуть что – и сразу подавал, даже не спрашивая, надо ли. Владыка гневался, грозил: «Негоже пастырю!» Так пастырь – это он, владыка, а не я, а я такой же, как и все, смущенный.

Напившись, Всеслав лег, потянулся, зажмурился... И вдруг спросил:

– Иона здесь?

– Как здесь? – переспросил Игнат. – Нет никого. Эти ушли, все трое. А Иона же совсем не приходил, Любим же сказал – он хворает...

– Да знаю я! – сердито перебил Всеслав. – Но здесь ли он, владыка, или нет? В Детинце? При Софии?

– Нет, он в Окольном. Еще же только апрель.

Князь повторил:

– Апрель... – подумал и спросил: – А день какой?

– Девятый.

Девятый, пятница. А в среду... И князь усмехнулся. Еще бы, подумал он радостно, апрель четырнадцатого дня – вот какова будет среда! То есть день в день, как восемь лет тому назад брат Всеволод... Брат? Дальний брат! отродье Ингигердино... был погребен брат Всеволод! Последним он ушел из тех троих, что целовали крест на мир, а после, заманив к себе в шатер... Уф-ф! Жарко как! Не продохнуть! Вот и тогда, при Рше, жара была, июль. Ты не стерпел, снял шлем, так и вошел в шатер к змеенышам без шлема, успел еще сказать...

Тьфу, тьфу! Забудь! Грех это, князь, чужой грех вспоминать. Лежи, молчи!

И князь лежал, смотрел перед собой. В красном углу – лампада. Лик черен, ничего почти не видно. Проси Его, моли, а Он... А кто еще? К кому еще ты можешь обратиться? Ведь больше никого...

Вот, хорошо уже, боль унялась, и голова опять чиста и почти не болит. Вот, сел, никто не помогал. Вот, посижу...

Дух заняло! Всеслав сидел, держался за тюфяк, шумно дышал...

– Князь, ляг, – тихо сказал Игнат.

Игнат! Здесь он! Значит, не бросил, не ушел! Князь слабо улыбнулся и сказал:

– Нет, душно здесь. Мне бы маленько бы... Так, говоришь, он в Окольном?

– Да, у себя.

Князь поднатужился и сел. Сказал уже уверенней:

– И ладно, – потом немного помолчал и, отдышавшись, приказал: – Коня, Игнат! И отроков!

– Князь!

– Знаю, не впервой. Велели – исполняй. Иди!

Игнат ушел. И боль мало-помалу уходила. Брат, помнишь, говорил: «Ты одержимый, брат. Бес жрет тебя. Сожрет – и выплюнет». Вспомнив о брате, князь нахмурился. Хотел подумать о другом – не получилось. Опять подумалось: брат, и не просто, а старший. На пять лет. И настоящий брат, не то что Ярославичи! Вот только очень не любил тебя тот настоящий брат, он говорил: «Ты мать мою убил. Ты. Вместе с бабушкой». И бил тебя, когда никто не видел. А ты молчал, терпел. Ты только говорил: «Дождешься, брат! Вот вырасту – убью тебя». А брат смеялся, отвечал: «Нет, не убьешь. Кишка тонка». И не убил ты брата! Умер отец, ты стал князем. А брата уже не было – он еще за год до того с охоты не вернулся. Лодку тогда нашли, весло. Шапку на берег вынесло. А тела брата так и не нашли, так и отпели его без него...

Отпели – и отпели! Всех отпоют когда-нибудь. Князь встал, прошелся, постоял... Да, отпустило. И даже сил прибавилось – как будто сбросил тяжесть. А что? А то: спит в тебе зверь, он устал, вот оттого и легко, что он тебя пока не мучает. И ты опять сам по себе, ты – князь. Свита, шапка, оплечье, корзно; вот и готов, пойдю...

Зачем? Ты звал его, а он, хворым сказавшись, не пришел – значит, не пожелал. А теперь ты к нему придешь – а он тебя не ждет. Ибо, как все, владыка ждет, но не тебя, а твоей смерти. Устал, давно уже устал Иона от тебя; уже пять лет прошло с тех пор, как он отъехал из Детинца, да и не он один. Отъехал и поставил новый Двор, и тын вокруг него, и псов завел. А прежний его Двор – вон, за окном – стоит нетопленный. И врет Игнат – владыка здесь теперь и летом не живет, он, как и все, тебя чурается. А ты вдруг собрался к нему...

Да, я к нему! К кому же мне еще? К Любиму, что ли?! Всеслав гневно осклабился, меч пристегнул, пошел.

Игнат был в гриднице, стоял возле стола. Всеслав спросил:

– Где отроки?

– Ждут на крыльце, – сказал Игнат.

Князь повернулся и пошел к двери.

– Князь! Не ходи! – торопливо воскликнул Игнат.

Князь вздрогнул, обернулся. Игнат был бел, как полотно, руки его дрожали.

– Да что ты? – удивился князь. – Не бойся! Видишь, совсем отпустило!

– Князь, я не про то...

– А про что? Говори!

– Князь, не гневись... Убьют они тебя!

– Они? Убьют?! – и князь не удержался, хмыкнул. И зло, презрительно сказал: – Кишка у них тонка! Хозяин рвал – не разорвал. А эти... тьфу!

Как вдруг...

Исчез Игнат! И все вокруг исчезло. Тьма! Душно! Давит он! Хрипит, бьет лапами, ревет, вот-вот достанет – и тогда... Бей, бей, Хозяин, бей! Я раб твой, червь. Рви, потроши меня, глодай! Вот, без кольчуги я, в одной рубахе. Рви – чтоб не Ей, безносой – бей!.. Но он вдруг ослабел, обмяк, раз-другой рыкнул и затих. И только тьма да тишина, смрад, кровь...

Но отступила тьма. Нет, князь, подумалось, совсем ты не в лесу, а в своей гриднице: вот и Игнат рядом стоит, а вот стол прибранный... Да, жив ты, князь, Она не обманула. Просил семь дней – и ровно семь получишь! Теперь твой срок среда, а раньше и не жди, и не надейся. Иди, ждут на крыльце! Всеслав вздохнул, стер пот со лба, шагнул было вперед...

Игнат опять сказал:

– Князь! Не ходи. Смерть чую...

– Смерть? – спросил князь и оглянулся. – Чью смерть?

Игнат аж побелел, так напугался. Потому что не знает, сердито подумал Всеслав. Да и никто этого не знает! И знать нельзя, ведь что это за жизнь тогда, когда ты точно знаешь, когда

придет твой срок?! Ты не жалец тогда, а тень. И зло в тебе, и зверь... Вот, снова заворочался, осканился! Князь, зло прищурившись, спросил:

– Смерть, говоришь, учуял? Чью? Мою? Или, может, свою?

Вздрыгнул Игнат, рот приоткрыл. Слаб человек! Труслив. И ненасытен – жить, жить...

Князь усмехнулся и сказал:

– А что! А почему бы не свою? Ведь сколько тебе лет? Поди, за шестьдесят уже?

– Да, так...

– Ну вот и срок тебе пришел. Чего тут удивляться?!

Игнат молчал. Стоял ни жив ни мертв. Князь подошел к нему и, хлопнув по плечу, сказал:

– Блажь это все! Забудь. Подумаешь, учуял! А я с Ней разговаривал – вот как с тобой – и ничего.

– К-когда?

– Когда, когда! Я же говорю: блажь это все. Пойду.

Пошел. Быстро пошел, как будто двадцать, тридцать лет с него слетело. А что? Нет боязни – и нет старости. Никто тебя, никак, ничем не изведет. Живи себе и ничего не бойся! Всеслав сошел, едва ли не сбежал с крыльца. Митяй держал коня, после хотел было помочь, только куда там! Всеслав легко вскочил в седло, подобрал поводья и тут же властно сказал:

– В Окольный. Шагом!

Тронули. Зацокали копыта. Князь ехал впереди, а эти четверо за ним. Мимо Софии, мимо Зовуна, мимо конюшен – в Шумные Ворота, в Окольный Град. Там по Гончарной ехали, потом взяли налево, на Босую, и – вверх по ней. Неспешно, шагом. Сбруя бренчит, лаги скрипят. И перестук копыт, и перестук копыт, и перестук копыт...

Тишь! Никого. Как вымерли – за стенами, за тынами. А смотрят ведь! Гадают, шепчутся – неужто он... да как он... что... Князь усмехнулся. Молчишь, посад, вот то-то же! И дальше тоже смолчишь. Да, камень я, да, преткновения. Камень, отринутый строителем, стал во главе угла. И кто взойдет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит. И было так. И будет! Неспешно, шагом, только шагом. Кто скоро едет – не туда приедет, не то узреет и не то обрящет. Да, мне всего семь дней дано, но зато верных семь! А сколько вам, того никто не знает. Кому-то, может, десять лет отпущено, а кому-то прямо в этот миг, когда он к щели припал, глазает на меня, конец придет! Смейся, Любим, болтай, Ширий, Ставр, Сухой...

Сухой! Третьяк, выжлятники... Вспомнив о них, князь сердито поморщился. Ложь, думал он, жив я, а Хозяин убит, и это всё Ширий наплел, а не они, он, только он! Он для того и ездил на ручей, чтобы потом, вдруг если что... А я – живой, и вам меня не взять! И крест на мне, и я еду к владыке, ибо скрывать мне нечего! И он, владыка ваш и пастырь ваш, вам еще скажет все как есть, он не солжет, не должен, не посмеет!

Вот и приехали. Ворота у владыки были нараспашку, а в них стоял чернец. Князь придержал коня, спросил у чернеца:

– Владыка у себя?

– Так, это... он... – растерялся чернец.

– Здесь, нет?!

– Здесь, государь, вот только...

Но князь не стал дальше слушать, а вздыбил коня! И направил во двор! Чернец метнулся в сторону. А князь – к крыльцу. Служки забежали.

– Взять! – крикнул князь.

И ринулись они к поводьям, впились в стремя. Князь медленно, важно спустился на землю. Глянул на отроков. Те тоже спешили, стояли, оробев. Оно и понятно – ведь как-никак, а боязно: владыка, осерчав, бывает крут! Князь приказал:

– Митяй, будешь за старшего. Ждать здесь, не отходить.

Митяй кивнул. Князь, осенив себя крестом, стал подниматься по ступеням.

В сенях было темно, окна еще с зимы закладены. Всеслав с опаской ступил раз, второй – и зацепился за ведро, чуть не свалил его, перекрестился. Дальше прошел – на ощупь, в дверь направо; там, помнится...

Он не ошибся – там была светлица. В светлице келарь Мисаил, ключник Лаврентий, иноки. И свечи, свечи, свечи, образа; дух приторный. Спасаются, гневно подумал Всеслав. А бес, он вездесущ. Вон сколько вас, а я один вошел – и все сразу к стене! Да что я, кто воистину?! Всеслав поднял руку...

И словно чары снял, все сразу же повеселели! Лаврентий, старый лис, вскочил из-за стола, залебезил, расшаркался. Другие подхватили, загундосили. Вишь, подобтели как! И свет в глазах, почтение. В другой бы раз...

В другой! Князь чинно выслушал приветствия, кивнул, строго спросил владыку. Лаврентий взялся провести. Пошли сперва за печь, после по лесенке – вниз, вниз, еще раз вниз, а теснота какая, Господи, думал Всеслав, не лесенка, а тараканий лаз! Он спускался с оглядкой, ссутулившись, чтобы ненароком лоб не расшибить...

И, наконец, они пришли к владыке. Там было сыро и темно, как в склепе. Иона же, прямой как жердь, чинно сидел возле окна, читал Писание. Увидев, кто к нему пришел, он удивленно поднял брови, хотел было что-то сказать... Но тут же передумал, промолчал – и снова повернулся к книге. А князь, грызя губы, подумал: Пресвятый Боже, что есть жизнь? День на дворе, весна, мне уже всего пять дней осталось, а ему, может, даже и этого не будет... А вот сидит, ему здесь хорошо, он не спешит! А я стою перед ним, как холоп. Зачем я здесь?..

И что Лаврентий?! Князь обернулся, глянул на Лаврентия. Тот, словно только этого и ждал, смиренно закивал, перекрестился, отдал земной поклон и вышел. Когда его шаги затихли, князь плотно закрыл за ним дверь, строго откашлялся и подошел к Ионе. Тот продолжал читать. Читал он тихо, едва слышно. А может, он и не читал, а так, на память повторял. Он это мог! Все удивлялись и не верили, и он тогда возьмет, Писание закроет... и дальше – слово в слово! – говорит и говорит и говорит; устанешь, его слушавши, а он всё говорит и говорит. «Как это? – спросят. – Почему?» А он: «Во мне это, мое, и поэтому все помню». Ха, помню! Ну и что? А помнит ли он, пес, кем был, когда сюда пришел?! Чернец бродячий, сажа босоногая! Вот почему...

А, спохватился князь, пустое это всё! И сел на лавку, осмотрелся. Только смотреть там было почти не на что: лампада, крест, божница. И бревна серые. Плесень на стенах. А этот знай себе бубнит. Что, интересно? Князь прислушался...

Однако не понял ни слова – Иона читал для себя. Да он всегда такой – всё для себя. Всеслав еще немного помолчал, чтобы гнев совсем уже унялся, и только потом сказал:

– Владыка! Я к тебе. За утешением!

Иона перестал читать. Губы поджал. Переспросил, не глядя:

– Что?

– За утешением.

– За утешением! – Иона усмехнулся. – А голос княжеский!

– Вот в том-то и беда, – и князь громко вздохнул. – Опять меня гордыня одолела. Устал я от нее. Совсем устал!

Иона понимающе кивнул, закрыл Писание, задумался. Слаб был владыка, немощен. И бороденка редкая, и руки высохли... А брови длинные, седые, глаз из-под них почти не видно! «Все помню, – говорил, – все знаю». А вот молчит... И князь тогда сказал – чуть слышно:

– Я утром ждал тебя, ты не пришел. Меня опять скрутило.

– Вижу. Знак на тебе, – и заморгал владыка.

– Знак? – вздрогнул князь.

– Знак. Примирись, Феодор. Спешу. Дел у тебя – ого!

Советчик, сердито подумал Всеслав, доброхот. И он как все! И... Зверь это, не князь, зверь закричал:

– Иона! – князь вскочил. – Ты это брось! Ты не юродивый, не ворон. Ты пастырь мой. И мною же поставлен! И я тебя...

Иона засмеялся – тихо, звонко. Сказал, смеясь:

– Сядь! Сядь! Охолонись, Феодор!

Князь резко сел, почти упал на лавку. Глаз у него дергался, щеку свело...

Иона же кротко сказал:

– Дай руку, князь.

Дал. И затих. Они сидели и молчали. Всеслав смотрел на стену, думал: слаб, немощен владыка, стар. Чужой он здесь; когда пришел он к нам, никто его не знал, никто не жаловал. Это потом уже, поди, лет только через семь, его приблизили и рукоположили. А потом... Опять еще лет через семь, а то даже и больше, это когда преставился владыка Феофил, стояли вечем у Святой Софии, обедня шла, все ждали жребия. Усопший, отходя, назвал в преемники Иону и еще двоих – своих, исконных, полтесских, – а далее, сказал, как Бог велит, жребий решит, тому из них и быть по мне владыкою над вами. И вот мы ждем...

– Идет! Идет! – вдруг закричали с паперти.

Вышел слепец. И вынес жребий на Иону! Возликовали мы. Хоть знали, что Иону Киев не одобрит, Киев Никифора-менянина желал. Но ведь они об этом напрямую не сказали, а только прислали грамоту, а в ней были слова: это великий грех, когда епископа всем миром выбираете, когда не Провидение, а жребий вам указчик. Но отстояли мы! Вече сказало: «Быть ему владыкою!», а ты сказал: «Быть по сему!» – и с тем отправили в Киев послов, при них были великие дары, потом еще дары, еще... И отступился Киев, приняли Иону, ибо тогда был Полтеск задин! Когда-то был... И князь, поморщившись, сказал:

– Иона!

– Что? – глухо отозвался тот.

– Так! Пусто на душе. Слыхал ведь, что они болтают?

– Слыхал. Поэтому и не пошел к тебе. На хворь сослался.

Сказал – и опустил глаза Иона. И так всегда, зло подумал Всеслав: чуть что, он сразу в сторону. И тем он и берет. А ведь легко-то как! Ведь ни вериг, ни власяниц тогда не надо, и ни чудес тебе, ни исцелений, а только будь кроток, будь как воск, и все к тебе потянутся, все – даже жребий и митрополит... Нет, зверь, лежи, молчи! Я сам! И князь сглотнул слюну, сказал как мог спокойнее:

– Хворь! Говорили мне. Но хорошо ли это? Ведь бросил ты меня. Любим еще молчал... А эти взлаяли! Мол, я уже не я, а тень; мол, умер я. Слыхал?

– Как не слышать!

– А скажешь что?

– А ничего. Темен народ. Им разве что втолкуешь?

Сказал – и замолчал владыка. И смотрит ясно, спокойно. Как будто это не он говорил! Как будто он здесь ни при чем и вообще не полочанин. Князь даже растерялся, прошептал:

– Иона! Как же так?!

– А так. Ты посмотри на них. Они что, разве веруют? А ты?

– Я?!

– Да. Бережку кормишь? Кормишь. Водяному лошадку дарил? А вчера где ты был? И зачем?! Там, кстати, на тебя и наплели! А мне теперь что говорить? Так, что ли: люди добрые, наш христианский князь вчера на поганское действо ходил, но там его медведь не задавил, вот вам крест! Так мне сказать? Или не так?

Князь лишь вздохнул в ответ. Они опять долго молчали. Потом Иона вдруг сказал:

– Знак на тебе, Всеслав, а ты молчишь. А то, о чем ты говоришь, что будто пусто на душе твоей, и то, что будто утешения взалкал, так ты же совсем не за этим пришел. Ведь так?

И смотрит! Глаз почти не видно. И что в них, в тех глазах?!

– Да! – зло ответил князь. – Не то! Совсем не то! А что бы ты хотел услышать?

– Это решать не мне, а тебе, – опять же спокойно ответил Иона. – И не кричи, я не глух. Или я что, Неклюд, чтобы мной помыкать?

– А что Неклюд?!

– А то! Хоть речь и не о нем! – и это Иона сказал уже грозно. И так же грозно мотнул головой! Всеслав не сдержался, воскликнул:

– Клобук слетит!

– Молчи!

– Молчу, молчу!

– Князь, не юродствуй! Смерть за тобой стоит, а ты!.. А! Что теперь!

Иона свел брови, насупился. Вот осерчал так осерчал, удивленно подумал Всеслав. А тут еще Неклюда вспомнил...

– А что Неклюд, – сказал князь осторожно, – так, значит, это было надо. Что, донесли уже?

Иона шумно вздохнул, помолчал, а после очень сердито сказал:

– Не знаю я о нем. Не знаю! Да только люди говорят: «Если один гонец подался к Ярополчицам, значит, второй, без всякого сомнения, – к Великому». А это, я скажу, уже великий грех, Всеслав, – в такой день нож меж братьями бросать! Ведь кого смерть застанет во грехе...

Князь усмехнулся и сказал:

– Ну, если только так, ты тогда за меня не печалься. Я так всегда жил – в грехе. Сколько уже? Лет, наверное, семьдесят? Нет, даже больше! Всё о себе да о себе заботился. А тут, может, впервые, дай, думаю, я о других подумаю!

– Да, о других! – усмехнулся Иона. – О ком это? И как?

– О ком? – сердито повторил Всеслав. – О Ярославе Ярополчиче, зяте моем, изгое неприкаянном, который самочинно сел в Берестье. И о великом князе Киевском, то бишь о Святополке Изяславиче. А как я думаю? А думаю я так: и Ярослав мне люб, и Святополку зла желать уже нет моих сил. Ибо совсем устал, воистину! Поэтому, я думаю, пошлю-ка я им обоим гонцов и попытаюсь я... Только зачем тебе это, Иона? Мирское это, княжеское, тлен! И сам я весь мирской, и Ярослав мирской, и Святополк.

– Зачем тогда пришел?

– Опять же за мирским. Дай мне благословение. При всех.

– Как?

– На крыльце, чтобы все видели. И я сразу уеду. Да, это суета, я знаю. Но им разве поиному чего докажешь? А так увидят: я перед тобой и ты меня благословляешь, и, значит, я не тень. Я жив, я князь, я христианский князь! Да, христианский! Ибо еще раз говорю: спешат гонцы мои и, может, в первый раз не нож бросаю я, но... А!

И князь в сердцах махнул рукой, встал, помолчал... Но все-таки не удержался и спросил:

– Ну, что молчишь?

Иона не ответил, а просто смотрел на Всеслава. Долго смотрел... Потом тихо сказал:

– Я знаю, ты не веруешь. И знаю: ты скоро умрешь. Очень скоро! И ты об этом тоже знаешь. И... нет, я это не об исповеди. Не хочешь, так молчи. И уноси это с собой. Может, это другим даже лучше. Но, князь! Ведь ты один как перст. Всю жизнь! Сядь, я прошу.

– Зачем?

– Поговорим.

– О чем? – князь мрачно усмехнулся. – О вечном, что ли? Так я о вечном не хочу. Я и прежде этого не любил, а нынче совсем срам один и лукавство! А о мирском... Так от мирского

ты всегда бежал. И, может, ты и прав, ведь ты же не варяжский поп. Это у них клейми да наставляй, глаголом жги. А вы, цареградские, знаете: всякая власть от Него, и посему добро прими как милость, зло как наказание. И не ропщи, терпи, ибо земная жизнь – лишь краткий миг перед жизнью небесной. А сами мы...

Князь сбился, замолчал. Ну вот, подумалось, опять, как перед Ставром, суесловлю! И так всегда: всё не о том да не о том! Всю жизнь проболтал! Так перед смертью хоть пади и скажи от души!..

Нет, не сказал. А вымучил улыбку и спросил:

– Так?

– Так, – кивнул Иона.

– Вот и ответ тебе. Пойдем?

– Пойдем, – нахмурился владыка. – Вот только... А не страшно, князь?

– Чего?

– Всего. Не гложет? Гложет ведь! Жить – столько лет! – а помираешь... псом. Нет при тебе сейчас ни сыновей, ни внуков, ни бояр, ни слуг даже – все от тебя разбежалось! Один Игнат, и тот... податься ему некуда! Да и боится он, что только заикнется про уход, так ты прибьешь его! Вот и сидит он, молчит...

– Что?!

– То, что слышал, вот что. И не боюсь я тебя, и я еще не то скажу! Стефана подло задушил, так и меня теперь души!

– Иона! – князь побагровел. – Стефан-то здесь при чем? Что, разве я его душил? Или разве наущал его душить?! Да тот Стефан едва ли не один из вас всех меня тогда и поддержал, когда я сел в Киеве! А задушил его холоп. Холоп был новгородский. А кто холопа на такое надомил, о том и по сей день никто не знает! Ведь же не знает, так?!

Иона насупился, но промолчал. Князь повторил:

– Стефан! – и еще помолчал. А после вдруг громко и гневно продолжил: – А был бы жив Стефан, так, может быть, и по сей день владеть мне Киевом! А вы: «Стефан! Стефан!» Пойдем!

Иона, ничего уже не говоря, встал, и они пошли. Вверх, к свету, к весне...

...А то было зимой, в лютый мороз. Стефан, владыка Новгородский, тогда собрался в Киев. А вече того не желало! Кричал народ: «Кто нынче в Киеве? Изгой и волколак, поганец! Сперва его отец нас жег и грабил, потом и он нас жег, колокола срывал, а мы теперь к нему с поклоном? Владыка, не ходи, не смей!» А он пошел... Да так и не дошел до Киева. Его, как говорили, ночью беглый холоп задушил. Холоп будто исконный полочанин. А если это так, то, стало быть...

Ложь это все! Ложь, ложь! Вот был бы жив Стефан, он бы сказал...

Они взойшли по лестнице, а после, сразу через сени, на крыльцо. Уже смеркалось. Двор был пуст. Митяй держал коня. Рядом стояли отроки. Тишь, подумал Всеслав, никого. Никто нас не увидит...

И не надо! Всеслав встал на одно колено и, склонив голову, тихо сказал:

– Благослови!

– На что?

Всеслав молчал.

– На что, сын мой?

А и действительно, мелькнуло в голове, а ведь он прав: на что?! Пресвятый Боже! Господи! Жив я, но словно убиенный, во мраке я, во рву, в бескрайней бездне! Отяготела во мне ярость Твоя и всеми волнами Твоими Ты поразил меня. Но не ропщу я, Господи, а всем сердцем своим славлю имя Твое и преклоняюсь перед храмом Твоим. И если я...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.